

Надежда Черпинская

Ирландец

<https://litres.ru/74206043>

Аннотация

Они поклялись любить друг друга вечно, поклялись на руинах древнего города, волшебного места силы. Шепча заветные слова, они не знали, чем обернётся эта клятва. Теперь, чтобы сдержать обещание, им придётся обмануть саму Смерть, пройти сквозь тьму отчаяния, испытание разлукой, время, пространство и козни врагов. Но, если в сердце, как свет маяка, горит истинная любовь, две души непременно отыщут путь друг к другу.

Мистическая история о верности, нежности и вечной любви. Большая часть событий происходит в альтернативной Ирландии XIX и XX века.

ОДНОТОМНИК Входит в цикл «Ведьмаки нашего времени», но читается отдельно.

Печатный (бумажный) вариант книги можно приобрести на OZON или WILDBERRIES.

!Без насилия, принуждения и измен между главными героями!

!!! Без использования ИИ !!!

Содержание

Пролог "Сны с запахом моря"	4
1 Давно и далеко	17
2 Давно и далеко	22
3 Давно и далеко	31
4 Эй, мистер!	43
5 Эй, мистер!	51
6 Эй, мистер!	59
7 Эй, мистер!	66
8 Эй, мистер!	72
9 Эй, мистер!	76
10 Эй, мистер!	81
11 Странности Шона Фланагана	86
12 Странности Шона Фланагана	93
13 Странности Шона Фланагана	104
14 Странности Шона Фланагана	115
15 Странности Шона Фланагана	124
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Пролог "Сны с запахом моря"

Прошлое

Шанна...

В её имени шорох морского прибоя и пьянящий аромат диких роз.

«Всё для тебя, Шанна, только для тебя...»

Невыносимо жгло ладони.

Пальцы застыли от ледяной воды. Мокрые ракушки врезались острыми краешками, царапали до крови. Мелкие ссадины на коже больно щипало – соль в океане такая едкая, она вгрызалась безжалостно, словно хотела обглодать до самых костей.

Желание вышвырнуть богатый улов становилось всё сильнее, оно горело внутри, как и раздражённая морской водой кожа, но он только сильнее прижимал к груди «своё сокровище» и прибавлял шаг.

Боялся опоздать.

Уже не шёл, а почти бежал. С холма и вовсе понёсся вприпрыжку, путаясь в буйных порослях разнотравья.

Штанины, мокрые почти до колен, неприятно шлёпали по окоченевшим ногам. Но от бега согрелся, даже чувствовал, как покраснелись щеки. Солёный ветер с побережья подго-

нял в спину, торопил.

Узкая тропка привела к невысокому основательному забору. Тёмные камни поросли изумрудным бархатом мха, он торчал из каждой щели и трещинки.

Чтобы заглянуть во двор, пришлось подпрыгнуть и, шаркая ногами по скользким камням, подтянуться и лечь животом на каменную кладку. Больше всего он боялся растерять или случайно сломать ракушки, но вышло удержать их в ладонях.

Она сидела на скамеечке под старой яблоней, как и всегда. Спина к нему. Волосы были зачесаны гладко, собраны в маленький пучок. Белый кружевной воротничок облегал тонкую шейку. Изящные руки мелькали ловко и легко, как крылья чайки. Склонившись немного, она возилась с каким-то рукоделием – кажется, вышивала.

Успел.

Вечерело, солнце катилось вниз... Вот-вот коснётся макушки холма, и синие тени поползут по саду. И тогда она исчезнет в доме.

– Шеннон!

Она вздрогнула, подскочила, и пушистая козья шаль соскользнула к ногам. Девочка обернулась, и огромные светлые глаза распахнулись изумлённо, улыбка осветила её бледное лицо. Но уже через мгновение тревога исказила милые черты, она испуганно оглянулась на окна дома.

– Ты что здесь делаешь? Уходи скорее! Отец дома...

В ответ он расплылся в счастливой, беспечной улыбке, замотал головой, изо всех сил показывая, что совсем не боится. Рыжие пряди упали на глаза, но убрать их сейчас не вышло бы при всём желании – руки по-прежнему были заняты ракушками. Он призывно махнул головой и соскользнул вниз с забора, сдирая кожу на рёбрах о неровный каменный край.

Зашипел сквозь зубы. Но рёбра и ссадины... это ведь такая ерунда!

Чуть пригнув голову, он пронёсся вдоль забора туда, где за глухой стеной дома, в зарослях одичавших роз, кладка камней обвалилась от времени и сырости, и перебраться через забор можно было легко и просто. А густой кустарник надёжно скрывал от случайных глаз незваного рыжего гостя.

Шеннон, придерживая руками широкую юбку простого серого платья, протиснулась меж колючих ветвей легко, не задев даже листика или бутона, словно бесплотный лесной дух. Густой аромат роз мгновенно окутал их в этой «изумрудной беседке». Он так привык к тому, что запах роз всегда окружает девочку, что стоило теперь где-то увидеть эти цветы или почувствовать их благоухание, и взгляд невольно начинал искать Шеннон даже там, где её и быть не могло.

А она говорила, что он пахнет морем и солнцем.

Неудивительно. Море и солнце... То, что надо, для рыжего сына рыбака.

– Шон... Милый... – улыбнулась она, но тотчас нахмурила строго брови. – Ты с ума сошёл! Зачем ты пришёл? Отец сказал, что убьёт тебя, если ещё раз увидит в нашем саду!

– Пусть сперва догонит! – хвастливо хмыкнул мальчишка. – Вот! Это тебе...

Он протянул к ней руки, и в маленькие нежные ладони девочки посыпались разноцветные раковины. Некоторые упали в траву, не уместившись в её маленьких ручках.

Она смотрела изумлённо и молча, и только светлые глаза сияли так ярко и счастливо, будто он насыпал ей в руки драгоценных камней или золотых монет из горшочка лепрекона.

– Ты же любишь ракушки... – смущённо пожал он плечами, – а на берег тебя не пускают...

– Шон... – восторженный, едва различимый шёпот слетел с её губ.

Шеннон опустилась на колени, осторожно высыпая в траву свои сокровища, и теперь уже перебирала каждую по отдельности, гладила тонким пальчиком, подносила к носу, вдыхая неповторимую свежесть моря.

– Я сам их все нашёл... – гордо поведал он, падая в траву рядом. – Вот эту у Ведьминого мыса. Вот эти у причала. А вот за этими пришлось забраться прямо в море у Чёрного грота.

– Шон, они такие красивые, такие красивые! А вот эта... смотри! Какая большая! Она шумит, вот послушай, она шумит...

Она протянула свою белокожую ручку и приложила холодную мокрую раковину к его уху.

Шон замер, слушая... Ему было всё равно на море, спрятавшееся в ракушке – он видел побережье каждый день. Он уже ходил на промысел вместе с отцом. Он любил солёную могучую стихию, но она была привычной.

А вот эту нежную, волшебную девочку, так непохожую ни на одну его знакомую, он любил гораздо больше, чем какое-то море, и ракушки, и даже больше, чем сладкий бармбрэк[1], который отец покупал только по большим праздникам.

Её рука задела мокрую холодную штанину, и Шеннон нахмурилась и укорила, заботливо и строго:

– Все ноги промочил! Разве так можно? А если простудишься... Я не хочу, чтобы ты из-за меня заболел. Береги себя, пожалуйста!

Шон только улыбался, ему совсем не было совестно. Ради улыбки на её лице и восторга в её глазах, он был готов умереть, как настоящий благородный рыцарь. Подумаешь – забраться в холодное осеннее море, подумаешь – простудиться!

Она журила так... совсем по-взрослому, но как-то... мягко, нежно... Как, наверное, могла бы, любя, бранить его собственная мать.

Только вот... мама Шона никогда не ругала. У него просто её не было.

– Я лучше тебя беречь буду. А за меня не бойся! Я крепкий, – хвастливо заверил он.

– Ты самый лучший! – улыбнулась она бесхитростно и, потянувшись, обняла порывисто.

– Это ты самая... – выдохнул он в её волосы. – Шанна, мы завтра в город с отцом, на ярмарку. Хочешь, я тебе что-нибудь ещё привезу? Заколку, колечко, платок? Всё, что захочешь!

Она отстранилась и замотала головой.

– Не надо! Отец увидит – будет спрашивать, откуда взяла, – она грустно вздохнула.

– А ты не говори! – насупился он.

Соврать Шон не предлагал, ему такое и в голову не пришло. Такие, как она, врать не умеют. Шеннон и ложь никогда не встречались, и вряд ли когда-то встретятся.

– Если буду молчать, он разозлится ещё больше, – снова вздохнула она. – И всё равно поймёт. Он так сердился! Ты бы слышал, как он кричал в прошлый раз. Сказал: «Ещё раз увижу тут это дьявольское отродье, сверну ему шею, а тебя запру в чулане до самого замужества!»

– Дьявольское отродье... – хмыкнул Шон. – Причём тут дьявол? Будто мистер Маккеннет не знает, кто мой отец...

Шеннон вздохнула ещё громче и опустила глаза.

– Думаю, отец не дядю Донала имел в виду. Ты же знаешь, что про тебя болтают...

– Подумаешь! – фыркнул Рыжий, разозлившись. – Пусть

болтают, что хотят! А ты... что же, сильно смелая? Не боишься дьявольского отродья?

Шон дёрнулся, собираясь вскочить на ноги, но она вцепилась в его замёрзшую ладонь, качнулась вперёд и снова обняла крепко, испуганно, удерживая на месте.

– Глупый! Какой же ты глупый... Ты мой самый лучший! Я совсем тебя не боюсь, и с тобой ничего не боюсь! Ты мой самый лучший, самый лучший!

Шон несмело обнял её в ответ и твёрдо пообещал:

– Однажды я заберу тебя отсюда... Однажды я обязательно заберу тебя, Шанна. И твой отец мне не указ. Мы будем вместе, всегда будем вместе... Обещаю. Ты только моя! Навсегда. Только моя...

Он чувствовал, как она улыбается у него на плече. Его первая и единственная любовь. Сердце дрожало и сжималось, и так хотелось расплакаться. Но мужчины ведь не плачут... Даже если им ещё так мало лет.

– Шеннон! Ты где опять? – грозный рев заставил их обоих вздрогнуть. – Шеннон! Дрянная девчонка! Я этому паршивцу уши оторву вместе с его рыжей башкой! Проклятый ублюдок, пошёл прочь отсюда!

– Беги! – испуганным шёпотом велела Шеннон.

Он подскочил, будто его укусили, и бросился сквозь колючие заросли к забору.

Вскочив на каменную стену, оглянулся, заметил, что Шанна успела старательно прикрыть травой свои «морские со-

кровища». Если Брайен Маккеннет обнаружит подарок, сразу растопчет в пыль. Это полбеды... Но он ведь тогда дочку накажет – вот что страшно.

Разгневанный папаша как раз с треском прорывался сквозь кусты, рыча и чертыхаясь.

– Я люблю тебя, Шанна Маккеннет! – звонко крикнул Шон и проворно сиганул вниз.

Вот теперь самое время бежать со всех ног...

[1] *национальное блюдо, сладкий дрожжевой хлеб с изюмом, является одним из главных атрибутов праздничного стола на День Всех Святых.*

Настоящее

Пробуждение вышло болезненным.

Он отчаянно цеплялся за обрывки сна, пытаясь удержаться там, где запах моря, роз и свободы кружил голову, а светлая вера в грядущее счастье окрыляла. Где сердце грела любовь, нежная и чистая, как рассвет.

Но реальность уже выцарапывала безжалостно из этих сладких грёз будничными когтями-крючьями.

Серый сумрак – фонарь светит прямо в окно, но толку с него мало, в комнате темно. Промозглая сырость, стылый холод – даже под одеялом не спрятаться. Может быть, стоило забраться подальше от моря? Или дело в том, что отель пуст,

и живое тепло его не греет?

Добро пожаловать в твоё настоящее, Шон Фланаган!

Рыжий потёр лицо ладонями, избавляясь от остатков сонливости, сел резко и, зябко поёжившись, потянулся за шерстяным свитером, что висел на резной спинке кровати.

На лестнице царила абсолютная темнота, но это для него проблемой давно не было. Пока спускался вниз, дубовые ступени ворчливо поскрипывали, жаловались.

Ничего... привыкнут со временем к новому хозяину. Ведь не скажешь, что он им досаждаёт такой уж большой тяжестью. В детстве Шон был сущим доходягой – одни кости. Теперь, конечно, оброс мускулатурой, как положено, но всё-таки излишним весом от природы не страдал.

Шон остановился, почувствовав чьё-то живое присутствие на кухне... Собственно, вариант мог быть лишь один. Старый друг Роуди тоже не спит в столь поздний час.

Шон нырнул в резную арку, ведущую в просторную комнату, напоминавшую больше не место для приготовления пищи, а скорее пристанище ведьмы или алхимика, или винный погреб, а ещё (немножко) аптечную лавку.

– Что, опять дурные сны покоя не дают?

Знакомый ворчливый голос Шон услышал раньше, чем заметил его обладателя. Невысокого бородатого крепыша Роуди почти не видно было из-за стола, даже свет единственной лампы рядом с ним не спасал, хотя тот сидел на «своём» стуле – особом, на очень длинных ножках, с переклади-

нами, чтобы он легко мог взобраться туда. Этот предмет мебели Роуди, после их переезда из Дублина, притащил сюда в первую очередь.

– С чего ты взял? – буркнул Рыжий, выискивая на полке коробку с кофе.

– Четыре утра, мой друг... – насмешливо откликнулся его приятель. – Самое время для твоих кошмаров.

– Почему сразу кошмары? – лениво огрызнулся Шон. – Что такого ужасного ты находишь в воспоминаниях о детстве и юности?

– Ничего, но... Если бы в твоих снах жили только воспоминания о старых добрых днях... А в твоих снах – призраки прошлого и туман иллюзий. Всё это давно пора отпустить, – привычно взялся поучать Роуди. – Пока оно не свело тебя с ума окончательно. Знаешь, фейри... все немного не в себе.... Но твоё упёртое стремление в пучину безумия пугает даже такого повидавшего виды старого лепрекона, как я. А уж я, в моём-то возрасте, всякого насмотрелся...

– Брось, Роуди! Не драматизируй! Будто ты сам в моих снах был и всё видел, – скривился Шон. – И не строй из себя мудрого старца – тебе всего пять веков миновало! Кофе будешь?

– Если только разбавишь его на треть моим «зельем», – лукаво подмигнул лепрекон, почёсывая клочковатую бороду. – Ты прав, я ещё не так стар. Но точно повидал больше тебя, мальчишка. И тебе стоило бы радоваться, что у тебя

есть такой мудрый друг и соратник!

– Я радуюсь, Роуди. Ты же знаешь – ты мой единственный настоящий друг. Единственный, кому я доверяю. И я это ценю, – Шон клятвенно приложил руку к сердцу. – Несмотря на то, что ты редкостный зануда.

– Ах, зануда! Вот она благодарность! После того, сколько раз я тебя вытаскивал из... – лепрекон возмущенно фыркнул, подыскивая приличное слово, – вытаскивал тебя с самого дна, ты ещё имеешь наглость так обо мне отзываться.

– Роуди, хватит уже играть на публику... – отмахнулся Рыжий. – Всё равно ведь никто тебя не слышит, кроме меня.

– А я с тобой и разговариваю! Я до тебя пытаюсь достучаться, но ты глуп и глух, как дерево, как настоящий подменыш из человеческих сказочек... Полено рыжее! – Роуди надулся и состроил гримасу, но уже через секунду посерьёзнел заново. – Ты доведёшь себя до края! Вернее, ты и так по нему ходишь. Но если ты не выбросишь из головы все эти глупости с поисками, то, в конце концов, это сведёт тебя с ума. Мне даже страшно представить, что тогда будет... Спятивший фейри это гораздо страшнее, чем человек с разбитым сердцем. Хватит убивать себя несбыточной надеждой! Пора принять правду – Лиэсаайне обманула тебя. И напрасно ты вернулся в Ирландию. Ты никогда не найдёшь то, что ищешь! Так просто не бывает, Шон Фланаган, так не бывает! За пять прожитых веков я про такое даже не слышал.

– Роуди, а... о другом ты слышал? О том, что друзья нуж-

ны для того, чтобы поддерживать и утешать, а не для того, чтобы добивать в минуту отчаяния, – Шон не злился, говорил спокойно, невозмутимо разлил кофе по чашкам и уселся напротив. – Где там твоё хвалёное зелье?

– Друзья нужны, – лепреккон тотчас протянул пузатую бутылку, – чтобы говорить правду в глаза. Особенно, когда ты заблудился и сбился с пути. Я не собираюсь поддерживать тебя в твоём безумии и помогать свихнуться окончательно. Вот... лучше попробуй это! Я тут немного поменял рецептуру. Поверь, на это в твой паб сбегутся со всей Ирландии. Видишь, сколько от меня пользы! Твои дела не шли бы так хорошо, если бы не мои чудо-напитки. А ты ворчишь на меня... Иногда мне даже начинает казаться, что я, твой верный друг и покорный слуга, значу для тебя меньше, чем этот заносчивый верзила, который всё время втягивает тебя в какие-то опасные дела.

– Роуди! – рассмеялся Рыжий. – Ну, как можно говорить такие глупости?! Ты – это ты. Что за обиды? Я же не женщина, чтобы меня ревновать!

Роуди тяжело вздохнул.

– Не в обидах дело... Не нравятся мне эти ваши дела... Уж не знаю почему так, но тебя вечно все пытаются втянуть во что-то скверное. Как бы и тут чего не вышло...

– Можно подумать, у меня своей головы нет на плечах...

– Я этого не говорил, – наставительно поднял палец лепреккон, – просто ты не можешь пройти мимо рискованного

приключения. Тебе бы немного благоразумия, друг мой, и осторожности. Но ты как ветер! Сам не знаю, что тут тебе сказать. Иногда я думаю, может, оно и к лучшему, что этот тип появился опять... Он хотя бы возвращает тебя в реальную жизнь из твоих туманных грёз. Но всё-таки чаще я опасаюсь, что всё закончится бедой. Ведь он опасен, и ты это знаешь, знаешь лучше меня. Он ведь уже пытался нас убить.

– Это было недоразумение...

– Нет, мой друг! Недоразумение – это то, что вы пытаетесь вести общие дела и делать вид, что вы почти что добрые приятели, – Роуди вздохнул и покачал головой. – Не забывай, мальчик, он убивает таких как мы! Или, ты думаешь, для тебя он сделает исключение? Не может быть дружбы между фейри и смертным.

– Так ведь он не совсем смертный, а я не совсем фейри, – усмехнулся Рыжий. – Мы оба изгои и отступники... А это, Роуди, хороший повод стать друзьями, стать друзьями назло всем врагам.

1 Давно и далеко

Давно и далеко

*То всем другим горький урок –
Душой (не золотом!) плати
За поцелуи фейри!*
стихи автора

Прошное

– Шон, это ты?

– Я, отец, – он топтался на крыльце, счищая прилипшую на башмаки грязь.

Дверь скрипнула, голова отца просунулась в щель.

– Кому ещё быть? – усмехнулся Рыжий, глядя в обветренное, чуть усталое лицо.

– Ты чего по ночи неизвестно где шатаешься? – добродушно заворчал глава небольшого семейства Фланаган.

– Отец, я всё сделал, что ты мне велел... Можешь проверить! – начал было Шон.

Но Донал его оборвал:

– Да знаю я. Не о том речь... Просто завтра вставать чуть свет, отдыхать бы пораньше лёг... Да и темень уже такая. А ты бродишь совсем один. Добрые люди давно по домам сидят.

– Так то добрые... – буркнул себе под нос Фланаган-младший. – А дьявольскому отродью чего бояться?

– Что, что? Что ты сказал? – нахмурился отец.

– Прости! – устыдившись, Шон опустил рыжую голову. – Отец, прости! Глупость сказал. Не слушай меня!

– Опять с кем-то сцепился? – понимающе хмыкнул отец. – Шон, научись злые языки не слушать. Знаю, что ты ничего и никого не боишься... И постоять за себя можешь. Но людей стоит опасаться, сынок! Ты один – их много. Покуда я жив, я тебя в обиду не дам. А как меня не станет? Тебе здесь жить, так не наживай себе врагов!

– Ты знаешь, не я это начинаю... – насупился ещё больше Рыжий. – Они сами. Отец, что я им плохого сделал? Я никого не трогаю, чего лезут...

– Натура такая людская, – пожал плечами Фланаган-старший. – Норовят заклевать того, кто на них не похож. Стоит голову повыше поднять, вся стая накинется, чтобы вровень был, чтобы не смел. Никто не любит тех, кто отличается. Пойдём-ка лучше в дом! Там у меня котелок на огне...

В доме было тепло и сухо, уютно, несмотря на нищенскую обстановку – в их маленьком доме на утёсе, что стоял на самой окраине деревушки Каерхин в окрестностях Слайго.

Впрочем, кого в Ирландии можно удивить нищетой?

Так жили все, за редким исключением, вроде мистера Маккеннета, отца Шанны.

Он владел торговой лавкой и большим земельным наделе-

лом, где выращивал картофель. Не сам, разумеется – нанимал селян за несколько жалких пенни, а многим вовсе платил не деньгами, а всё той же картошкой. Да и землю он, конечно, арендовал – ирландская земля давно уже не принадлежала ирландцам. Но это не уменьшало вес Брайена Маккеннета в глазах всей деревни.

Да, в доме Шанны было иначе. Разумеется, Фланаган там никогда не бывал (его бы и на порог не пустили), но Рыжий подсмотрел как-то в окно. Да и сама Шеннон кое-что рассказывала.

Порой Шон думал об этой разнице, и ему становилось тоскливо. Вдруг Шанна не захочет выходить за него, когда они вырастут? Ведь она привыкла жить иначе, привыкла к достатку...

А что ей может предложить нищий сын рыбака?

Озарение пришло внезапно... и оказалось простым и ясным, как любое озарение.

Значит, надо сделать так, чтобы было что предложить!

И Шон для себя решил твёрдо, что он обязательно разбогатеет: будет работать, накопит много денег, чтобы дом у них был такой же большой и красивый, как у мистера Маккеннета.

Наверное, для этого ему придётся уехать на время из Каерхина, ведь в родной деревушке заработать много денег не получится, даже если он будет рыбачить и днём, и ночью. Даже если он выкопает всю картошку мистеру Маккеннету...

Нет, за богатством надо ехать в большой город. А там... никому не нужен безграмотный сын рыбака.

Поэтому Шон тайно от всех напросился к старому мистериу Фицпатрику в ученики. Колум Фицпатрик к учительству не имел никакого отношения, но один из немногих в Каерхине умел читать и писать и даже имел дома несколько книг.

Шон таскал ему на ужин то рыбы, то устриц, то лесных ягод или грибов, а старик за это понемногу учил мальчишку грамоте. Дело продвигалось медленно, но Шон гордился каждым коряво нацарапанным словом.

Больше всего он боялся, что про его занятия узнает отец и велит выбросить из головы эту дурь. Шон нисколько не сомневался, что ему достался лучший отец на свете, но в некоторых вопросах Донал Фланаган был упрям как... как сам Шон. Отец считал, что тратить время на образование не имеет смысла, потому что сын всё равно не сможет найти этому применение.

Ну, кому и где он нужен с этой грамотой? Уж лучше пусть прилежно изучает отцовскую науку – хороший моряк и рыбак никогда не останется голодным.

– Опять бегал к своей фее? – покосился на него отец, разливая по мискам уху.

– С чего ты взял...

– У тебя глаза такие... пьяные от счастья, – усмехнулся по-доброму отец. – Словно ты дёрнул порядочно виски... Будь ты чуть старше, я бы решил, что ты вернулся из паба,

где налакался с приятелями «воды жизни». Но пока ты не пьёшь, других объяснений у меня нет.

– Я только подарок отнёс...

– Ох, парень, парень! – отец вздохнул. – Не по тебе эта рыбка – только сети изорвёт. Я знаю, что Шеннон хорошая девочка, и ты ей мил, и она тебе. Но это... пока вы ещё дети... А подрастёт – найдёт себе ровню и разобьёт тебе сердце. Да и отец её... Брайен скорее удавится, чем свою ягодку за такого, как ты, отдаст.

– А я всё равно на ней женюсь, – упрямо заявил Шон. – Я её люблю. И мне больше никого не надо.

– Любишь... – Донал со вздохом отодвинул миску и взялся неторопливо набивать трубку. – Не жди от любви счастья, мой мальчик! Обман всё это. Сказки и сны.

– Сказки... – Шон улыбнулся грустно и мечтательно. – Отец, а расскажи сказку!

– Ту самую? – глаза Донала блеснули из-под кустистых бровей.

– Ту самую.

– Ты уже лучше меня её знаешь... – привычно поворчал Донал, – Ну, ладно, так и быть! Слушай...

Отец вдохновенно прищурился и начал свой рассказ.

2 Давно и далеко

«Жил в старину в одной деревеньке рыбак по имени... До-
нован.

Дом рыбака стоял на холме у самого моря. Каждый день, стоило только выйти ему на крыльцо, как он уже видел бескрайний синий простор с одной стороны, и бескрайний зелёный простор – с другой стороны. А по ночам море пело ему свои колыбельные. Иногда тихие и грустные, иногда (в ненастье и шторм) песни эти были страшны.

Рыбак был сиротой. Его отца, тоже рыбака, давно забрало море. А мать ушла к праотцам ещё раньше – не смогла разрешиться от бремени и умерла вместе с так и не родившимся вторым сыном.

Донован перенял отцовскую науку и унаследовал его лодку. Теперь он бесстрашно ходил в море и всегда возвращался с богатым уловом. Семьи у него не было, а потому весь заработок от продажи рыбы Донован оставлял в маленьком пабе у причала, весело пропивая своё добро вместе с друзьями-рыбаками и другими парнями из деревни.

Был он высок и силён, да и лицом пригож. А отплясывал и пел так лихо, что сам чёрт бы ему позавидовал. А ещё он никогда не жадничал – угощал всех собравшихся в пабе. Его уважали друзья и любили девчонки. Сам Донован считал себя везучим, да и никто бы не стал с этим спорить. Ведь жил

парень в своё удовольствие, не знал нужды, не голодал, веселился, а единственной его заботой было – не забывать выходить в море даже после затянувшейся попойки.

Многие девицы в деревне вздыхали по нему и мечтали пойти с ним под венец. Но Донован не спешил жениться, понимая, что, повстречавшись с жизнью семейной, придётся ему проститься с беззаботным холостым весельем.

Неизвестно, сколько бы ещё так продолжалось, но однажды на Самайн...

Донован в тот день собирался вернуться пораньше.

Все знали с давних времён, что это тёмное время, и лучше его проводить в кругу семьи или друзей, у очага, заперев надёжно двери. А искушать судьбу, разгуливая в одиночестве, или, того хуже, оставаясь в море, слишком рискованно.

Как и всегда, Донован возвращался с богатым уловом, лодка его была полна рыбы. Он негромко напевал себе под нос, радуясь тому, что скоро окажется в тепле и хлебнёт согревающий кровь виски.

Но внезапно небо закрыли тучи, чёрные, как вороново крыло. А берег заволокло туманом. Ветер поднял такие волны, что лодку Донована закрутило в безжалостных лапах шторма. Как ни пытался рыбак скорее причалить к берегу, пока ненастье не разбушевалось ещё сильнее, ничего у него не выходило. Он всегда легко управлялся со своей лодочкой, но тут она вдруг заупрямила, как необъезженная лошадь.

Оставалось только молиться и уповать на милость Божию, да держаться крепче. Нельзя сказать, что Донован был таким уж благочестивым парнем, но «Отче Наш...» он всё-таки со страху припомнил и начал читать молитву вслух.

Сначала лодчонку бедного рыбака закрутило ещё сильнее, она затрещала так, что, казалось, сейчас развалится. Донован даже подумал бросить эти молитвы, но всё-таки решил прочесть ещё трижды.

А волны уже вздымались до небес и обрушивались на голову Донована. Весь его богатый улов давно смыло за борт. Но сейчас он думал, только о том, чтобы уцелеть самому.

Внезапно из тумана проступил скалистый мыс, а ещё через мгновение ревущий океан вышвырнул лодку на берег, словно гневаясь на рыбака за что-то.

Полуживой от страха и борьбы с волнами Донован с трудом оттащил лодку подальше от воды, опасаясь, что её унесёт обратно в море. Сел рядом на мокрую гальку и с удивлением уставился на океан.

Шторм стихал прямо у него на глазах... Туман ещё окутывал берег, но волны уже не ревели так страшно, ветер не хлестал по лицу, жуткие тучи разбегались, уступая место обычным хмурым облакам и даже тусклому закатному солнышку.

Дело шло к вечеру...

Подивившись этим чудесам, Донован мысленно поблагодарил Господа Бога, а заодно и всех добрых духов Ирландии, за спасённую жизнь. Потом оттащил ещё дальше от во-

ды лодку, чтобы даже при сильных волнах её не утянуло в океан, и пошёл искать путь домой.

Взобравшись на высокий скалистый берег, оглядел Доно- ван раскинувшуюся перед ним бескрайнюю равнину, порос- шую вереском и бересклетом, и присвистнул – такой про- стор, такая воля, такая красота!

Да только вот... ни одного огонька, ни одного, даже ма-ленького, домишки или путника вдалеке.

Донован никак не мог понять, где он оказался – место бы- ло незнакомым.

«Должно быть, шторм утащил меня вдоль берега на се- вер, – решил Донован. – И, видно, намного дальше, чем я думал...».

Повздыхал Донован, да делать нечего. Сообразил, где должна быть его деревенька, и пошёл в ту сторону по едва различимой тропке. Видно, редко в этих местах ходили лю- ди, потому как тропа была старая, заросшая, а больших до- рог ему и вовсе не попадалось.

Донован спешил, как мог. Он порядком замёрз в мокрой одежде и думал только о том, как бы погреться у огня. Солн- це уже совсем склонилось к земле, и от этого становилось не по себе.

А ещё рыбаку не давала покоя мысль, что скоро он ока- жется совсем один, в темноте, неизвестно где, вдали от лю- дей, в самую жуткую ночь в году, когда стирается грань меж- ду миром живых и мёртвых, и вся ирландская нечисть выхо-

дит на охоту, и даже сиды[1] покидают свои холмы, чтобы явиться в смертный мир...

Да, эта мысль заставляла Донована очень быстро переставлять ноги.

Темнело стремительно, бедный рыбак совсем закоченел. Даже зубы стучать начали, то ли от холода, то ли от страха. С побережья наползал густой туман, окончательно сбивая с дороги несчастного путника.

– Сейчас бы к огню! – вздохнув, сказал Донован вслух, нарочито громко, чтобы хоть собственным голосом себя подбодрить.

И вдруг... замер как вкопанный.

Прямо перед ним, чуть влево от едва различимой тропки, в сумерках ярко сияли рыжие всполохи костра.

В другой раз Донован подумал бы дважды, стоит ли вот так подходить, неизвестно к кому и неизвестно где. Но тогда он слишком устал и замёрз, да и сидеть у огня, пусть даже с чужими людьми, казалось надёжнее, чем слоняться одному в темноте.

Однако стоило ему подойти ближе, и рыбак понял, как сильно он ошибся.

Это действительно был костёр, но очень странный – похожий на большой сияющий цветок. В порывах ветра его лепестки раскачивались, и над ними даже мерцали искры, но это точно не было привычное пламя. А вокруг с шумом и

смехом носились какие-то странные тени.

Голоса флейты, арфы и скрипки сливались в чарующую мелодию.

Догадался Донован, что случайно забрёл он на праздник к самим Обитателям Холмов, хотел поскорее унести ноги, но не тут-то было. Фейри уже заметили его.

Увидел рыбак, как идёт к нему навстречу, сияя, словно сама луна, одна из Дини Ши. Прекрасная дева будто парила над землёй, так легко и грациозно ступала. Длинные медные локоны струились по её плечам, ниспадали почти до земли, будто богатая шёлковая накидка.

А больше на красавице ничего и не было. Нагое тело её было совершенно. Кожа мерцала дивным золотым светом. Да и всю её, будто ангела, окутывало волшебное, тёплое сияние. Только вот Донован сразу понял, что от ангелов прекрасная дева далека.

– Пришёл погреться у нашего костра, путник? – спросила она ласково, но улыбнулась дерзко, будто дразнила.

– Если позволишь, прекрасная госпожа, – почтительно поклонился рыбак. – Я заплутал в темноте.

– А может быть, ты пришёл как раз туда, куда шёл? – снова улыбнулась она, и Донован глаз не мог отвести от её улыбки. – Смотри, ведь сегодня праздник! Твой народ зажигает нынче жестокий, колючий огонь и запирает двери на замки из ядовитого железа, а мой народ радуется огню истинному и танцует под звёздами, в порывах ветра, на мягких травах.

Сегодня ночь веселья... Раздели её радость с нами, смертный!

– Благодарю за приглашение, госпожа, – усмехнулся Донован. – Только вот... всем известно, чем заканчиваются для смертных танцы с сидами. Закружите в своём хороводе до смерти. Вряд ли я доживу до утра, если стану танцевать с фейри.

Ши звонко рассмеялась и локоны её, цвета закатного солнца, взметнулись, словно под порывом ветра, бесстыдно открывая все прелести красавицы восхищённому рыбаку.

– Не ты ли, Донован, похвалялся не так давно своему приятелю Питеру, что ты самый лучший и самый выносливый танцор в вашей деревне? Так покажи, какой ты стойкий! Перетанцуешь моих гостей – получишь награду!

– Откуда ты...

Она рассмеялась снова.

– Откуда знаю твоё имя? Или откуда знаю про твоё бахвальство? О, глупый смертный мальчик, разве об этом надо спрашивать? Я обещаю наградить тебя. А ты даже не хочешь узнать чем?

– Если ты, в самом деле, хочешь меня одарить, то я знаю, что попросить... – Донован смело посмотрел ей в глаза, золотисто-медовые, мерцающие в сумраке, словно глаза кошки. – Жизнь. Сохрани мне жизнь и отпусти домой!

Ши поморщилась досадливо.

– Как скучно и предсказуемо, – разочарованно вздохнула

она. — Я так ждала тебя, Донован, а ты даже удивить меня не хочешь. В давние времена смертные мужчины были готовы умереть за один поцелуй Дини Ши, а теперь... Не бойся, смертный мальчик — мне не нужна твоя жизнь. Я клянусь, что ты доживешь до утра и даже вернёшься домой. Мне от тебя нужно совсем иное...

— Душа? — предположил Донован.

— Всего лишь крохотный её кусочек, — фейри улыбнулась и приблизилась, — маленькая искорка, капля любви Творца, которая есть в каждом из вас. Любовь, Донован... Нам, бессмертным и всемогущим, так отчаянно не хватает того, что вы даже не умеете ценить — любви!

И она одарила рыбака таким сладостным поцелуем, что он позабыл все свои опасения. Да что там! Он даже имя своё в тот миг забыл. Всё, что было у него, всё, что осталось в прошлом, всё это утратило смысл. Единственное, чего он хотел теперь — остаться с прекрасной Ши навсегда.

— Как мне называть тебя, госпожа моя? — спросил рыбак.

— Подлинное имя моё не дано запомнить смертному. Речь наша не для ваших ушей. Зови просто... Айне! Пойдём к моему костру, нас ждут танцы... — отстранившись, прекрасная дева потянула его за руку. — А потом... тебя ждёт награда.

Она заглянула ему в глаза, и Донован пропал раз и навсегда.

— Я одарю тебя собой, смертный мальчик, — шепнула она. — А ты... подаришь мне сына.

[1] Сиды, а также *сидхи* или *ши* – одно из обобщённых названий волшебного народа (фэйри) в ирландской мифологии. Легенды о них весьма разнообразны. Сидами называли и холмы, в которых обитали эти сущности. Такие холмы являлись порталами в потусторонний мир. Обычно «врата» спрятаны от людей. Но в ночь на 1 ноября грань между мирами истончалась, и попасть в мир сидов можно было практически случайно.

3 Давно и далеко

Прошное

Очнулся Донован на рассвете, совсем один.

Подскочил, огляделся – вокруг никого. Словно всё, что было ночью, лишь привиделось ему во сне.

Никаких фейри, костра, танцев и прочего. Вот только... трава примята, буквально втоптана в землю, да таким ровным, правильным кругом, что, задумай нарочно так сделать, и ничего не выйдет. Слышал он, что болтали про «бесовские» круги на полях, но сам видел подобное впервые. Значит, вот как они появляются...

Что ж, это и есть доказательство, что Донован не во сне видел праздник сидов. Всё случилось на самом деле. И пусть не видно на этой поляне следов волшебного костра, но кое-что на память рыбаку от Волшебного Народца досталось.

Донован уснул прямо на земле, нагишом, одежда его лежала рядом. От ночного холода его теперь чуть знобило. Но всё-таки сильно он не замёрз, потому что был заботливо укрыт тёплым плащом, вроде тех, что носили в старину. Плащ был из тонкой шерсти, с изысканной вышивкой по краю, и мерцал, как блики лунного света на воде. Такой дивной ткани рыбак никогда в жизни не видел.

Паренёк огляделся – кроме волшебного плаща и полёгшей от танцев травы, больше ничего не напоминало о том,

что творилось там ночью.

Правда, ещё голова у Донована болела так, словно он накануне сильно перебрал виски. Но рыбак точно помнил, что никакого питья фейри ему не подносили. Да он бы и не принял, ведь отведать что-то у Народа Холмов – верный способ навсегда затеряться в их мире.

Рыбак поспешно оделся, завернулся в тёплый плащ фейри и уселся на большой камень, пытаясь вспоминать всё то, что будто во сне пригрезилось.

Едва только Дини Ши привела его в круг танцующих фейри, Донован позабыл все тревоги и страхи. Небывалое счастье и легкость переполнили его душу. Рыбак примкнул к весёлому шумному хороводу, который двигался вокруг костра сначала медленно, а потом всё быстрее, и быстрее, пока уже голова не пошла кругом.

И Айне смеялась звонко и нежно дразнила его: «А говорил, что не станешь танцевать с сидами... Танцуй, мой смертный мальчик! Сколько в тебе жизни и огня! Танцуй, любовь моя!»

А чуть позже Донован принялся даже учить Волшебный Народец человеческим танцам. И вот уже вместе с ним отплясывали джигу не только прекрасные, утончённые сиды, но и рыжие крошки пикси, полупрозрачные феечки, лепреконы в нарядных зелёных сюртуках, и ещё какие-то неведомые существа, которым он и названия не знал. Одни были похожи на ветвистые, поросшие мхом коряги, другие – на

поросят с огромными ушами, только ходили на двух ногах. Надо сказать, что у них и копыта были как у хрюшек, а вот верхние лапки заканчивались почти человеческими короткими пальчиками. Ещё Донован видел робких девушек с зелёной кожей и узорами на всём теле, похожими на древесную кору.

Рыбаку было совестно расспрашивать у всех, кто они такие, но разглядывать никто не мешал.

В конце концов, к задорным пляскам присоединилась даже одинокая, ворчливая и бледная, как сгусток тумана, водяная дева Бан Фиён, которая сидела до этого в сторонке и злобно сверкала исподлобья чёрными глазищами. Её тусклые лохмотья колыхались вокруг тощего синюшного тела, а улыбка пугала как оскал, ведь она, не стесняясь, показывала свои кривые зелёные клыки, но Донован плясал, не замечая этого уродства.

В кругу фейри он на время забыл о том, что этот народ чужд всякому человеку, и все они, по сути, дети дьявола, как говорят наши святые отцы. Зато рыбак вспомнил, что прежде сидов называли Детьми Праматери Дану и считали потомками древних богов.

Никто не смеялся над рыбаком, не пытался обидеть или унижить, хотя Донован был, понятное дело, не так изящен и прекрасен как те сиды, что собрались у костра.

Сияющая дивными золотыми узорами рука красавицы Айне лежала в его руке, и от этого Донован был сам не свой

от счастья. Его не пугали коготки на её изящных пальцах, хищные и острые, как у кошки, и колдовской огонь в янтарных глазах. Волшебная дева, к которой даже другие феири обращались лишь «госпожа» и кланялись при этом почтительно, одаривала его, простого деревенского парня, ласковой улыбкой, танцевала только с ним, глядела восхищённо и жарко шептала на ухо о любви.

Донован и не заметил, когда исчезли все прочие. Феири, веселившиеся у костра, вдруг как сквозь землю провалились. И они с прекрасной Дини Ши остались вдвоём.

И то, что было дальше... ещё больше походило на чудесную сказку. Но это точно не годится для детских ушей!

Никогда прежде никто не дарил Доновану таких поцелуев и ласк, никогда прежде он не желал никого столь же сильно, как прекрасную Айне с огненными локонами. За одну короткую тёмную ночь Самайна рыбац успел влюбиться так, что забыть свою любовь уже не смог.

Айне просила лишь каплю любви, каплю света человеческой души, но он отдал ей всё, что имел, без остатка. Подарил свою душу, не раздумывая и не торгуясь.

И наутро, когда он понял, что больше не увидит свою прекрасную Ши, сердце его пронзила такая тоска, что он хотел даже остаться там, на поляне, вытопанной ногами феири, и умереть на месте.

Прежняя весёлая холостая жизнь потеряла для него всякий смысл. Одиночество казалось теперь худшим наказани-

ем. В отчаянии он стал звать свою любовь, умолял забрать его навсегда в запретный мир сидов.

Но ответом ему была лишь тишина. Вход в Холмы закрылся с первыми лучами солнца.

Совсем уж было отчаялся парень, но тут вдруг припомнил, как на рассвете, сквозь сон, почувствовал на губах прощальный поцелуй и услышал тихий шёпот-обещание: «Я вернусь к тебе на Белтайн, любимый... Обещаю, что вернусь. Жди меня. Я вернусь. Вместе с нашим сыном».

Последние слова Айне вернули робкую надежду в сердце рыбака. Донован заставил себя подняться и идти дальше в поисках родной деревни.

Сегодня, при свете дня, никаких препятствий ему уже не встречалось. Шёл он по прекрасным холмам, солнце проглядывало сквозь осенние тучи, ветерок трепал его волшебный плащ. И Донован даже улыбался, согретый мыслями о том, что всё у него ещё будет хорошо. Надо лишь подождать полгода.

Вскоре увидел он свою деревеньку и дом на холме у самого моря и со всех ног радостно бросился туда. Оставив дивный плащ феяри, Донован решил пойти к своему другу Питеру и попросить поискать вместе с ним оставленную на берегу лодку.

Но до дома Питера дойти рыбак не успел – приятель встретил его на полпути. Оказалось, что Питер с самого утра разыскивает своего друга. Он сильно встревожился, когда

Донован не явился вечером на праздник в паб, и ещё больше испугался, не застав друга дома. Сколько Питер не спрашивал, все отвечали, что не видели рыбака. И тот решил, что с Донованом стряслась беда.

А Донован мыслями всё ещё был на той волшебной пустоши, где он танцевал с фейри и любил свою прекрасную Дини Ши. Всё, что случилось, жгло его сердце. И он опрометчиво поспешил рассказать лучшему другу о своих чудесных приключениях.

Питер не поверил ему и заявил, что Донован, должно быть, вчера напился раньше положенного срока, забыв о своём верном друге, и уснул где-нибудь в поле. А всю эту сказку увидел во сне.

Когда же рыбак стал спорить, Питер сказал, что всё это точно враньё, потому как даже лодка Донована стоит на своём законном месте у причала, а вовсе не валяется где-то на далёком незнакомом берегу. Рыбак удивился и бросился к морю. А потом он удивился ещё больше – ведь всё оказалось так, как сказал его друг.

Совсем сбитый с толку Донован вдруг вспомнил об ещё одном доказательстве и почти бегом кинулся к своему дому. Питер за ним едва поспевал.

А рыбак вбежал внутрь и схватил удивительный мерцающий плащ фейри и хотел вернуться на крыльцо к запыхавшемуся Питеру. Но не успел он и до порога пройти, как плащ в его руках вдруг вспыхнул ярко и, обратившись в золотистый

пепел, разлетелся облаком сияющей пыли. Так исчезло и последнее доказательство того, что Донован вправду побывал в гостях у Народа Холмов.

Друг от души ещё раз над ним посмеялся, посетовал, что Донован проспал всё праздничное веселье, и предложил забыть все эти глупости поскорее.

Донован кивнул удручённо, пообещал так и сделать, но... забыть так и не смог.

С того дня рыбака словно подменили. Всё, что прежде радовало его, теперь казалось глупым и пустым. Он перестал наведываться в паб, забросил своих приятелей. Веселые попойки вызывали у него лишь отвращение и досаду.

Даже в море он ходил всё реже. Да и улов его уже не был таким обильным и удачным, как прежде, ведь больше Донован не горел своим делом.

Если изредка он и забредал на деревенские праздники, то угрюмо тянул портер в углу и даже не танцевал. Доновану теперь казалось, что людская музыка – это просто несуразный шум, а танцы дикие и нелепые.

Красотки, что призывно улыбались статному парню, теперь для него стали уродинами. Разговоры с приятелями – бессмысленной болтовней. Словом, всё человеческое внезапно утратило вкус и красоту. И безысходная тоска по чуду и волшебству стала теперь вечной спутницей Донована.

С каждым днём он становился всё мрачнее и нелюдимее. Зачастую ссорился с кем-то из соседей на пустом месте.

А, в конце концов, умудрился даже со своим другом Питером повздорить. В отместку обиженный приятель растрепал всей деревни о секрете Донована. Сперва никто не принял это всерьёз, лишь посмеивались, что, видно, рыбак повредился умом, раз выдумал такие странные вещи.

Но вскоре сплетни укоренились и дали новые побеги. Чем больше Донован отгораживался от людей, тем больше злых шепотков летело ему в спину. Теперь уже вся деревня шушукалась о том, что рыбак знается с нечистой, что вся его удача – это щедрый дар его бесовских друзей. А кто-то даже болтал, что это не настоящий Донован, что, на самом деле, рыбака в Самайн убили сиды, а это лишь подменыш в его облинии.

Словом, тяжело стало жить Доновану в родном поселении. Но он почти не обращал внимания на эту враждебность. Он жил ожиданием.

Он ждал её и свято верил, что дождётся. Считал каждый новый день бесконечно долгой зимы. Гнал от себя тягостные мысли, что его прекрасная Айне может просто не явиться в назначенный срок.

И вот весна расцвела во всей красоте. И настал волшебный день Белтайна.

Донован проснулся ещё до рассвета. Ждал... Весь день ждал её.

Сердце стучало бешено. Всё из рук валилось. Сам не свой

ходил. Каждый шорох ловил, всё надеялся услышать долгожданные лёгкие шаги.

Солнце поднялось высоко и покатилося вниз к горизонту, а она всё не шла. Рыбак утешал себя тем, что Дини Ши, наверное, просто боится прийти в деревню при свете дня.

В отчаянии Донован отправился бродить по берегу моря, а потом убрёл на окраину деревни, и дальше к лесу. Как безумный метался меж холмами, надеясь, что она выйдет к нему там, где нет других людей.

Но... она так и не показалась.

Тогда Донован кинулся обратно, опасаясь, что она явится и не застанет его дома.

Когда стемнело, и он понял, что прекрасная фейри не придёт, смертельная тоска охватила рыбака. Жизнь, и без того теперь такая тусклая и пустая, утратила последний смысл. Он даже малодушно подумал, что стоит пойти сейчас, сесть в лодку и отправиться в море... чтобы больше не вернуться.

Уставший от тягостных мыслей и переживаний Донован задремал, сидя за столом.

И вдруг, на самом исходе дня, около полуночи, он подскочил, услышав тихий, но настойчивый стук в дверь...

Донован бросился на крыльцо. Сердце его готово было выскочить от счастья из груди. Но за дверью никого не оказалось. Только ночь встретила рыбака сонной тишиной.

Он едва не зарыдал от обиды. Решил, что это чья-то злая шутка. И вдруг опустил взгляд и обомлел.

У порога стояла большая корзина, сплетённая из ивовых прутьев. А в ней... лежал младенец.

Рыбак подхватил эту странную колыбель и внёс в дом. При свете лампы он с удивлением принялся рассматривать столь неожиданный подарок. А мальчонка, казалось, рассматривал самого рыбака таким взрослым и мудрым взглядом, что оставалось только диву даваться.

То был славный малыш, с россыпью озорных веснушек, рыжий, как солнышко, как... прекрасная Айне с медными локонами, которую он так и не смог забыть.

Ребёнок казался уже большеньким, не совсем младенчик. И это было странно, ведь прошло всего полгода – ему ещё и родиться было рано.

Но, всем известно, что для фейри время течёт иначе... И, глядя на ребенка, Донован ни на мгновение не усомнился в том, что это его сын.

А потом у него на сердце стало тепло, словно украденная фейри душа вернулась обратно. И жизнь снова обрела смысл.

В ту ночь рыбак пообещал себе, что будет жить дальше, жить ради солнечного чуда, которое он обнаружил у себя на пороге. Ради рыжего мальчугана, которого он назвал в честь своего отца...»

– Шоном, – с грустной улыбкой закончил за него сын. – Он назвал его Шоном.

В доме стало тихо. Только угли потрескивали в очаге. Да клубился сизый дым от трубки Донала.

– Пап...

Шон всегда называл Донала отцом, и никак иначе. Рослый, серьезный, даже суровый – Фланаган-старший будто создан был для этого степенного и уважительного слова – «отец». Но то, что Шон хотел спросить сейчас, заставило его чувствовать себя слишком уязвимо, будто он вновь стал маленьким ребёнком. Вот и вырвалось это почти мальчишеское «пап».

Шон опустил глаза в пол, стыдясь своих вопросов и мыслей, но всё-таки решился:

– Почему она нас бросила?

– Она? Бросила? – удивлённо вскинул брови Донал.

– Мама... Я ведь уже не маленький. Я всё пойму. Неужели я был таким плохим сыном? Или ты её обидел чем-то? Почему она ушла?

– Ну что ты! – тяжело вздохнул отец, взъерошив его рыжий чуб. – Она никогда бы не бросила тебя по доброй воле. И... меня тоже. Думаю, что-то случилось. Что-то скверное. Поэтому она и не вернулась, как обещала.

– Пап! – Шон сердито насупился. – Хватит уже! Неужели ты думаешь, что я буду вечно верить в эту сказку?

– Раньше она тебе нравилась, – грустно улыбнулся Донал.

– И теперь нравится, – Шон не отвёл глаз. – Но я хочу знать правду. Где моя мать, и кто она? Пусть эти деревенские

дураки твердят, что я дьявольское отродье и подкидыш сидов, но я хочу знать, кем она была! А не слушать сказки про волшебную фею с золотой кожей и огненными кудрями...

— Я бы и рад рассказать тебе какую-то другую правду, сынок, — помолчав, отозвался отец, — но иногда... правда кроется как раз в самых невероятных и чудных историях. Ты можешь верить или не верить в эту сказку, но от этого ты не перестанешь быть тем, кто ты есть, мой мальчик. Но разве это важно? Главное, что ты всегда будешь *моим* сыном, самым лучшим на свете! Ты — моя гордость! Вот и всё, сынок. Вот и вся правда.

4 Эй, мистер!

Эй, мистер!

*Тихий город, чужой,
Мной впервые встреченный...
Отчего же узнала тебя душа?
Всё такое родное,
Такое привычное,
Что мне чудится –
Здесь я уже бывал.*
стихи автора

Настоящее

– Эй, мистер! Вам нужен извозчик? Я могу быстро найти извозчика! Самого быстрого извозчика в Дублине! И всего за полцены...

Шон невольно обернулся на звонкий голос, скользнул взглядом по стайке малолетних оборванцев, толпившихся у железнодорожного вокзала, и замер поражённо.

Рыжий бойкий мальчишка, кричавший громче всех, заметил его мимолётный интерес и тотчас подлетел ближе.

Шон разглядывал его, не спеша ответить на так и сыпавшиеся вопросы. На миг показалось, что видит своё собственное отражение, только сильно уменьшенное, будто он пре-

одолеет не только расстояние, но и время – вернулся не просто в Ирландию, но и в собственное детство. Такой же огненный цвет волос, дерзкий взгляд, худое, поджарое тельце, одежда вся в заплатках и напористость, граничащая с наглостью.

– Куда вам нужно, мистер? Я мигом всё устрою...

– Благодарю, но мне извозчик не нужен, собираюсь прогуляться по городу...

– Я могу понести ваш багаж, мистер! – с готовностью выпалил парнишка.

Шон ещё раз окинул его взглядом и не удержался от улыбки.

– А тебе не кажется, что мой чемодан для тебя слишком велик? Как же ты его понесёшь?

– Мне не привыкать, мистер, – мальчишка даже на миг не смутился. – Вы не смотрите, что я мелкий! Я очень сильный. Недаром меня прозвали Маленький Пони. А пони, мистер, самые выносливые лошадки на свете...

Вот теперь Шон не просто улыбнулся, а рассмеялся от души.

– Как тебя зовут, Пони?

– Патрик О'Нейл, – мальчишка произнёс это так степенно, по-взрослому, будто это был дворянский титул, но тотчас добавил, – правда, обычно меня зовут просто Падди, мистер.

– Шон Фланаган, – в тон мальчишке степенно кивнул Рыжий и протянул для пожатия руку. – Рад знакомству!

Вот теперь мальчишка чуть смутился, настороженно окинул взглядом странного господина и, чуть помедлив, всё-таки вложил свою чумазую руку в его ладонь.

– Вот что, Патрик О'Нейл, давай сделаем так... – продолжил Шон, – чемодан я понесу сам, а ты меня просто проводишь. Я давно не был в Дублине, а город изменился, не хочется заплутать. Мне нужна гостиница «Старый Дублин» на О'Коннелл-стрит. Знаешь, где это?

– Конечно, мистер Фланаган! Такую гостиницу грех не знать, – приосанился Падди и посмотрел на Шона как-то иначе – уважительно, что ли.

– Вот и отлично. Отведешь меня, а я в долгу не останусь. Только давай сразу договоримся – без всяких сомнительных подворотен, где меня попытаются ограбить. Предупреждаю заранее – у них ничего не выйдет, а вот ты своих денег лишишься.

– Да что вы, мистер Фланаган, как можно! – мальчишка картинно закатил хитрые глазёнки, но усмехнулся так лукаво, что Шон сразу понял – предупреждение не было лишним. – Провожу по самым красивым и чистым улицам, а заодно расскажу обо всём, что увидим...

– Ну, тогда идём, Патрик О'Нейл, – приглашающе усмехнулся Шон.

Город встречал шумом и суетой, но суетой приятной, живой, какой-то благодатной. Падди добавлял нужного настроения, охотно болтал всю дорогу, рассказывая о каждой

встречной лавке, пабе, гостинице или церкви. Шон слушал с интересом, подмечал все мелочи.

Город заметно преобразился с тех пор, как он был здесь последний раз. В воздухе пахло свободой и надеждой на большие перемены.

Ирландия целую вечность жила в состоянии бесконечной войны – борьба, сопротивление, гнёт, непримиримость. Кажется, этот остров насквозь пропитался ядом ненависти. Ирландцы ненавидели англичан, англичане – ирландцев, католики – протестантов, протестанты – католиков, бедняки – богачей, богачи – бедняков... И этот список можно было продолжать бесконечно.

И вот наконец-то пришло время перемен, и Ирландия обрела долгожданную свободу. Независимость эта пока была скорее формальной, и каких-то глобальных преобразований спустя лишь несколько лет после провозглашения Ирландского свободного государства ожидать было рано. Тем более, что очередная гражданская война отгремела совсем недавно... Но всё-таки надежда на то, что вековым распрям пришёл конец, уже порхала над Дублином лёгкой белокрылой птахой.

Кажется, в эту надежду готов был поверить даже Шон Фланаган. А, может быть, всё дело было в ностальгии, нахлынувшей на Рыжего. Возвращение домой всегда затрагивает самые глубинные струны души.

– Так, значит, вы ирландец, мистер Фланаган? – рыжий

мальчишка, бодро шагавший рядом, покосился на своего спутника, с удовольствием глазевшего по сторонам. – А я сначала решил, что из этих... *иностранцев*...

– Не любишь приезжих? – усмехнулся Шон забавно исковерканному слову.

– Я ненавижу только англичан, – широко улыбнулся мальчишка. – А остальные... Благодаря им я зарабатываю, так чего мне их не любить? Просто они потешные. Когда я вас заметил, сначала тоже принял за американца. Одеты больно не по-нашему.

– Ну... если учитывать, сколько лет я не был в Ирландии, то меня уже можно считать иностранцем, – рассудил Шон.

– А откуда вы?

– Я? Да я... поколесил уже по миру, Падди. Нынче был по ту сторону океана, в Америке.

– Ого! – мальчишка уважительно покачал головой. – Говорят, там наших много...

– Да. Хватает, – признал Фланаган. – В прошлом веке, когда был Великий Голод, люди бежали туда тысячами. Надеялись, что Америка – это рай земной. Скажу тебе, на рай эта страна совсем не похожа. Но... Лучше уж там работать как проклятому, чем умереть с голоду на родине.

– Говорят, теперь у нас будет не хуже, чем в Америке. Теперь мы сами всё будем решать, а не эти чёртовы англичане.

Шону о политике говорить не хотелось – слишком скользкая и неприятная тема. Ему гораздо интереснее была персо-

на самого парнишки – видно, что есть характер, и смекалка, и упорство. А это уже половина успеха.

– А ты? Местный?

– Нет, из Брея, – мотнул рыжей головой Патрик. – Мои там живут. Мамка, сестры и два брата. Нас у мамки пятеро. А отца нет. Убили. Уже три года как... Так что я за старшего. Вот и помогаю мамке. На месяц приезжаю сюда, потом отвожу обратно денег, и опять возвращаюсь. У нас работы не найти. А Дублин большой, здесь каждый день на вокзале народу куча. Можно заработать, если пошевеливаться... Я мамке хорошо помогаю. Она, говорит, что я кормилец.

– А живешь где? Родичи здесь есть?

– Где придётся, там и живу. Привык уже. Летом вообще в парке можно ночевать. Зимой хуже. Мамкина тётка где-то тут, но к ней не хожу. Она не зовёт. Ей своих надо кормить. А я напрашиваться не стану. У нищих тоже гордость есть. Вот когда-нибудь я обязательно разбогатею, и куплю нам дом здесь, в Дублине, и всех их сюда заберу...

Шон не удержался от усмешки, и мальчишка сразу надулся обиженно.

– Что? Что так ухмыляетесь? Думаете, так не бывает? Мамка говорит, что я просто мечтатель. А я верю, что если буду очень стараться, обязательно стану богатым! Так что... не нужно надо мной смеяться, мистер Фланаган!

– Я... не над тобой, – снова улыбнулся Шон. – Просто... когда-то я тоже верил, что нужно приехать в большой город,

и много работать, а не сидеть без дела, и тогда непременно всё получится...

– И? – нахмурился Патрик, словно боялся услышать ответ, который его разочарует.

Шон в ответ развёл руками, предлагая оценить свой внешний вид.

– И... всё так и вышло! – подмигнул он. – Мечты сбываются, если в них веришь, и... если идёшь им навстречу. Разве я похож на деревенского парня, сына бедного рыбака? А ведь я не хуже тебя, знаю, что такое нищета.

– Правда? – глаза Падди широко распахнулись. – Вы не всегда таким были... богатеем? Как-то не верится...

– Клянусь, что говорю правду. Так что... Всё у тебя впереди, Патрик! Главное, верить и не позволять никому тебя разубедить в том, что тебе всё по плечу.

– Спасибо, мистер Фланаган! – мальчишка приостановился у крыльца красивого храма и махнул рукой. – А мы пришли... Вон, через дорогу, гостиница, в которой вы собрались жить.

– Я не собираюсь жить в этой гостинице, – Шон не смотрел, куда показывает мальчишка, он с любопытством разглядывал фасад церкви, украшенный изысканной резьбой. – Я собираюсь её купить.

– Ого! – Падди едва не сел от удивления прямо на тротуар.

– Да, у меня в планах начать новую жизнь, – Шон оторвался от храма и посмотрел на парнишку. – А ты... рискнёшь

свою жизнь изменить?

Мальчик глядел на него в недоумении. Шон протянул ему несколько монет и кусочек бархатистой бумаги с золотыми вензелями.

– Спасибо, что проводил, Падди! Если то, что ты говорил, правда, и ты действительно веришь в свою мечту... Я смогу тебе помочь. Завтра утром приходи в гостиницу! Спросишь меня. Если не впустят – покажешь мою визитную карточку!

Патрик молча сунул всё в карман, совершенно сбитый с толку.

– Чтобы изменить всё, иногда надо перешагнуть через страх и просто рискнуть, – усмехнулся Шон. – Попробуй, Патрик О'Нейл! Жду тебя завтра.

И Рыжий, перехватив поудобнее чемодан, направился к «Старому Дублину».

– Я приду, мистер Фланаган... – долетело ему в спину.

5 Эй, мистер!

Настоящее

В просторном светлом холле царила атмосфера домашнего уюта. Через большие арочные окна вливалось достаточно света, несмотря на пасмурную погоду. Пузатые диванчики и кресла, накрытые клетчатыми пледами, приглашали удобно расположиться в них в ожидании заселения. Пахло кофе, ванилью и яблоками, хотя откуда долетали ароматы, пока было неясно.

Ещё Шон заметил камин. Сейчас в нём не было огня, но ему эта деталь интерьера понравилась.

Рыжий неторопливо осмотрелся и понял, что не ошибся. «Старый Дублин» представлялся ему классической, добротной гостиницей, чуть строгой и сдержанной в обстановке, но уютной и не лишённой «ирландского духа». Именно таким, отель и оказался.

Из-за стойки ресепшен ему навстречу поднялась молодая женщина – неброская внешность, но приятная улыбка и умный взгляд.

– Добрый день! Рады приветствовать вас в «Старом Дублине». Чем могу быть полезна?

Шон улыбнулся в ответ, подмечая детали её внешности – темные волосы гладко зачёсаны и тщательно уложены в пучок, серебряные серьги с каплями граната – недорогие, но

изящные, простая светлая блузка с длинными рукавами и воротником-бантом, длинная тёмная юбка. Стройная, пожалуй, даже худощавая. И очень серьёзная. От девушки прямо-таки веяло благожелательностью, при этом невозможно было уловить ни капли кокетства или намёка на игривость.

– Я хотел бы узнать, есть ли у вас свободные комнаты. Мне нужно где-то поселиться. Я пробуду в Дублине до воскресенья. Наслышан про вашу гостиницу...

Вот теперь он привлёк внимание ещё одной незнакомки, которая писала что-то у массивного дубового секретера. Та обернулась и осмотрела Шона оценивающе, будто прикидывая, стоит ли вообще пускать его на порог. Взгляд тёмных глаз показался цепким и хищным.

Сама она была чуть крупнее первой, хоть и ниже, причёсана и одета почти так же, но глубокий вырез буквально притягивал взор к её декольте. Одежда этой второй явно была дороже. А на крупной кисти сверкало сразу несколько золотых колец.

– Конечно, сэр, – снова приветливо улыбнулась заговори́вшая с ним. – Есть прекрасные номера на втором этаже – как раз для тех, кто путешествует в одиночестве. В стоимость проживания входит завтрак и утренний кофе.

– Чудесно... мисс...

– Мисс Маккейси, – представилась та, – можно, просто Эйрин.

– И сколько будет стоить моё пребывание здесь до вос-

кресенья, Эйрин? Я... – Шон смущенно запнулся, – немного поиздержался за время пути.

Вторая женщина снова бросила взгляд в его сторону и чуть слышно хмыкнула.

Маккейси быстро посчитала и озвучила цифру.

– О! – удивлённо ахнул Рыжий и сразу приуныл. – Боюсь, сейчас мне это не по карману. Как печально... А нет ли каких-то других комнат, подешевле?

Эйрин расстроилась, как и он сам, сочувственно вздохнула.

А вот её соседка тотчас встряла в разговор:

– Что за народ! Подешевле – в дешёвой ночлежке. Надо понимать в какую гостиницу идёшь! Если денег нет, то и говорить не о чем.

– Миссис Каннингем, зачем вы так! – испуганно вытаращилась на неё Эйрин. – Мы сейчас что-нибудь придумаем... Не беспокойтесь!

– Буду весьма признателен, – благодарно кивнул Рыжий.

– Что ты придумаешь? Сама за него заплатишь? Так у тебя жалования за месяц на это не хватит, – зло фыркнула вторая.

– Мэв, перестаньте, так нельзя! – ещё больше смутилась мисс Маккейси.

Несколько мгновений она размышляла, закусив губу, потом вдруг глаза её загорелись, и она снова обратилась к Шону. Теперь в её голосе слышались обличение и надежда.

– А ведь у нас на верхнем этаже есть номера дешевле,

намного дешевле. Они, правда, несколько меньше... Но вы ведь один, сэр, вам тесно не будет. Вот только сейчас они все заняты. Один должен освободиться завтра. Давайте поступим так: сегодня вы заселитесь в номер на втором этаже, а завтра, как только наш постоялец съедет, мы вас переселим наверх. Это будет намного выгоднее для вас.

Она снова быстренько посчитала и сообщила новую стоимость. Вышло почти в два раза дешевле.

– Как вам такой вариант? Подходит? – с надеждой спросила Эйрин.

– Отличный вариант, мне очень нравится, – широко улыбнулся Шон. – Повезло мне, что встретил вас. Вы тут старшая...

Маккейси покосилась на Мэв, которая снова проворчала что-то вроде: «Если бы ты за него сама заплатила, ему бы ещё больше понравилось».

– Нет, что вы! Я всего лишь помощница миссис Каннингем.

– Вы не поняли, Эйрин, – качнул головой Шон, – это был не вопрос.

– Хм... да, не поняла... – нахмурилась Эйрин. – О чём вы, мистер...

– Фланаган, Шон Фланаган, – кивнул приветливо Рыжий. – Новый владелец этой гостиницы.

– Очень приятно, мистер Фланаган! – пролепетала побледневшая Эйрин.

– Поздравляю вас с повышением, мисс Маккейси! Я только что назначил вас своей помощницей. А вы, миссис Каннингем, можете искать новую работу.

Со стороны Мэв долетел испуганно-придушенный возглас, но туда Шон уже не смотрел.

– А теперь мне действительно нужна комната... Апартаменты, на втором этаже, с гостиной, спальней, кабинетом и персональными удобствами, разумеется. И с окнами на другую сторону – на церковь смотреть целыми днями у меня нет желания.

– Мистер Фланаган, мистер Фланаган, умоляю, простите! – вышедшая из оцепенения Каннингем подскочила к нему. Надменность и важность слетели моментально, глаза уже на мокром месте. – А как же я? Как же я? Мне нужна работа!

– Могу предложить вам должность... горничной, – пожал плечами Шон. – Конечно, при условии, что вы научитесь с людьми разговаривать, а не лаять.

Мэв перекосило, но она тотчас взяла себя в руки.

– Спасибо, мистер Фланаган.

– Можете пока идти, – махнул он рукой и, дождавшись, пока женщина исчезнет с глаз долой, снова обернулся к растерянной Эйрин. – Не волнуйтесь так, мисс Маккейси! Я вас не брошу на растерзание – буду помогать и подсказывать на первых порах. Всё у вас получится. Вы умеете решать проблемы, а не создавать их – а это лучшее качество для управляющего. Работы у вас теперь, конечно, добавится, но и пла-

тить я буду значительно больше. Придётся на время забыть о выходных, пока я ищу вам нового помощника. Но вы в любое время можете просить меня лично заменить вас. У меня хороший опыт в гостиничном деле. Ночью постояльцев тоже буду встречать сам.

Эйрин на всё это только изумлённо хлопала ресницами и согласно кивала. Шон собрался было уходить, но вспомнил про Падди и решил предупредить заранее.

– Да... Завтра утром, кстати, должен прийти один молодой человек. Он будет помогать вам с мелкими поручениями, а со временем, надеюсь, и с более серьёзными. И, Эйрин... ко мне можете обращаться в любое время и по любым вопросам. Поверьте, я не злобное бессердечное чудовище, как думает ваша подруга.

– Она не моя подруга, мистер Фланаган, – смущенно улыбнулась Эйрин. – У Мэв здесь нет друзей. Спасибо за оказанное доверие. Я буду очень стараться, чтобы вас не подвести!

Девушка покосилась на окно и, замаявшись, опустила глаза.

– Что-то ещё, мисс Маккейси? – Шон внимательно разглядывал её зардевшееся лицо. – Мне кажется, вы что-то хотите спросить...

– Мистер Фланаган, дело в том, что я обычно отпрашивалась на несколько часов у мисс Каннингем на воскресную службу, бегала вот сюда, в нашу церковь. Тут же совсем рядом. А теперь, если я буду работать одна, совсем без выход-

ных, мне придётся пропускать службу...

– Не придётся, – покачал рыжей головой Шон. – Вы же здесь не заключённая на каторжных работах. Я вас буду заменять на время ваших походов в храм. Я в церковь не хожу, так что никаких накладок не будет.

– Спасибо, мистер Фланаган, – просияла Эйрин, но тотчас нахмурилась, осознав полностью то, что он сказал. – А вы... совсем в церковь не ходите? Никогда?

– Никогда, – спокойно кивнул Рыжий.

– Вы не верите в Господа Бога, Творца Нашего? – ещё больше изумилась женщина.

– В Творца я верю, Эйрин, я в церковь не верю, – усмехнулся Шон.

– Разве это не одно и то же?

– О, далеко не одно, – вздохнул Шон. – Я мог бы многое рассказать об этом. Но я уважаю ваше право на веру и не собираюсь смущать вашу чистую душу своими еретическими домыслами. Так что... хотите ходить на службы – будете ходить! Ничего не имею против. Надеюсь, вы не сбежите от такого безбожника, как я? Не хотелось бы потерять хорошего работника.

– Нет, конечно, нет, мистер Фланаган, – она улыбнулась, снова смутившись так мило. – Просто это очень странно, слышать такое...

– Всему есть свои причины, Эйрин, всему есть причины... – задумчиво произнёс Шон.

6 Эй, мистер!

Прошлое

Они сидели на самом краешке огромного чёрного валуна и беспечно болтали ногами.

Море забавлялось своей вечной игрой. Волны шлёпались с разбега о мокрую скалу, обросшую водорослями и ракушками, безуспешно пытались дотянуться до двух пар ботинок, не доставали совсем чуть-чуть и с рычанием соскальзывали вниз, превращаясь в бурлящую пену. Лишь иногда самые проворные капельки-брызги достигали цели и оседали на её шерстяной юбке сверкающими серебристыми бликами.

Шеннон прижималась к нему бочком. Он обнимал её за плечи, пряча от прибрежных ветров, прикрыв полрой собственной куртки. Её теплое дыхание и растрепавшиеся из косы волосы щекотали его подбородок и шею, но Шон не пытался отстраниться или потревожить её как-то иначе.

Он чувствовал, как размеренно и гулко бьётся её сердечко, и от этого у самого в груди было так тепло и светло, что даже глаза щипало немного. Удивительно, но, оказывается, для счастья нужно совсем немного – просто чтобы она была рядом.

Сегодня мистер Маккеннет уехал в город, и Шанна нашла способ сбежать из дома на пару часов. Целых два часа вместе, только он и она.

Жаль, что время нельзя остановить. Сидеть бы вот так на берегу целую тысячу лет, чувствовать её тепло и лишь иногда, переставая дышать от собственной дерзости, тянуться к её губам, нежным, мягким и чуть солёным от дыхания океана. Осмелев, касаться их едва-едва, осторожно, бережно, сладко – ещё не поцелуй, но лишь обещания их, лишь невинные ласки, лишь намёк на то, что однажды всё у них будет по-настоящему.

– Шон, – она нашла его ладонь, переплела пальцы, – знаешь, что я тут подумала...

Он чуть склонил голову, заглянул в глаза, спрашивая безмолвно.

Её щеки тронул румянец смущения.

– А как мы с тобой поженимся? Ты ведь не ходишь в церковь. А обвенчать нас может только отец Шеймус...

– Значит, пойду. Раз так надо... – ничуть не смутился Рыжий. – Отец не ходит, вот и я не привык. Но ради тебя я всё, что хочешь, сделаю, Шанна! Я за тобой даже в преисподнюю готов идти. Подумаешь, один раз заглянуть в церковь!

Она улыбнулась, успокоенная его словами, снова доверчиво прильнула, обнимая.

– А почему твой отец не ходит туда? Ведь раньше он бывал на службе. Я слышала что-то такое... Кажется, они поссорились с отцом Шеймусом?

– Ага, отец с Шеймусом Молоуни даже не здоровается, – охотно подтвердил Шон. – Ты что, правда, не слышала эту

историю?

Она покачала головой, смущённо улыбнувшись.

– Это всё из-за меня! Так говорит отец. Из-за того, что Молоуни отказался меня крестить. Отец, конечно, никогда не был добропорядочным прихожанином. Когда молодой был, он любил гульнуть и выпить. А сквернословит до сих пор иногда так, что у меня уши горят. Но всё-таки в ту пору он в церкви появлялся частенько, как и все прочие наши соседи. А потом... когда родился я... Он хотел меня покрестить, как положено. Я как раз приболел, жар никак не спадал. И старая миссис Мерфи посоветовала отнести меня к отцу Шеймусу, чтобы тот провёл крещение. Сказала, дескать, после этого к ребёнку Господь приставит ангела-хранителя, и тот будет оберегать дитя. Отец подумал, почему бы и нет... Вдруг, и вправду, буду меньше болеть, да и от разных несчастий ангел будет охранять, когда подрасту.

Шанна слушала увлечённо, но сейчас не удержалась:

– И что же случилось в церкви?

– Отец принёс меня на службу. Молоуни это сразу не понравилось. Он ворчал, но долг священника обязывал сделать всё, как должно. Начал он молитвы читать и... ну... что там ещё положено... И вот, когда отец Шеймус уже собирался поливать мою рыжую голову святой водой, меня вдруг охватило сияние, всю кожу покрыли золотые узоры. Я засветился, будто маленький фонарь. Кто-то из прихожанок воскликнул изумлённо: «Чудо! Это же чудо! Ангел! Господь явил

нам ангела!»

Шеннон выскользнула из его рук, села прямо, с изумлением глядя на своего рыжего друга. Её светлые глаза восхищённо блестели.

– Вот это да! Неужели это было на самом деле?

– Не знаю. Верится в такое с трудом, – пожал плечами Шон. – Так рассказывал отец, а он у меня, знаешь ведь, мастак сказки сочинять. Но что-то ведь стало причиной, почему его священник невзлюбил. Так что... может быть, всё так и было. Люди, которые были тогда в церкви, восхищались красивым золотым светом и твердили, что это чудо. Но отец Шеймус был такому совсем не рад. Он заявил, что это не чудо, а колдовство и происки дьявола. Мол, никакой я не ангел, а бесовское дитя. А дьявол нарочно искушает праведные души, явившись не в своём ужасном облике, а прикрывшись красотой и сиянием, подобным божественному свету. Отец, понятное дело, начал спорить и ругаться, да такими словами, которые в церкви говорить большой грех. Отец Шеймус разозлился ещё больше и велел отцу забирать своего дьяволёнка, то есть меня, и убраться прочь. Отец и хотел уйти. Но вслед ему полетели такие слова, что у всех, кто тогда был в церкви, дар речи пропал. «Пусть его Дьявол крестит кровью, а вместо ангелов пусть защищают твоего отпрыска проклятые сиды! Жаль, сейчас уже не жгут на кострах ведьм да колдунов – тебе там самое место, Донал, и этому бесовскому подкидышу!» Услыхав такое, отец развернулся, подошёл к

Молоуни и врезал ему так, что сбил святого отца с ног.

– Ой, мамочки! – ужаснулась Шеннон.

– Отец думал, что за это с ним поквитаются, опасался за меня. Но, видно, пожалели, – Рыжий вздохнул, – я ведь ещё мал был. Если бы с ним что-то случилось, меня и забрать-то было некому. Но с тех пор в церковь отец не ходил, Шеймус его ненавидел, а все остальные стали бояться ещё больше, чем прежде, и старались держаться в стороне. Ну, а что про меня стали болтать, ты и так знаешь...

Шон отвёл глаза, с грустью глядя вдаль, на океан. Пожалуй, он успел привыкнуть к косым взглядам односельчан, но порой всё-таки терзала душу обида. Да, наверное, некоторые странности его отличали от другой ребятни, но, так или иначе, он всего лишь обычный мальчишка, и точно с дьяволом не знаком.

Рыжий сейчас не смотрел на Шанну и вздрогнул от прикосновения к его лицу.

Шон повернулся к ней удивлённо, а она нежно погладила его по щеке, пробежалась легко кончиками пальцев по дугам бровей, и снова коснулась скулы. Разглядывала, будто любовалась, словно видела перед собой нечто удивительное и прекрасное.

– Мне бы очень хотелось увидеть, как ты сияешь, увидеть эти золотые узоры на твоей коже... Ты стал бы ещё красивее. Хотя ты и так самый лучший.

Он вздохнул счастливо, прижал её руку к своей щеке и

поцеловал маленькую ладошку.

А потом... склонился и коснулся её губ, привычно, едва тронув. Но в этот раз не отстранился, как бывало всегда, а удержал её в своих руках, привлёк ближе, всё смелее лаская желанные губы, наслаждаясь долгим и сладким поцелуем, о котором так давно мечтал.

Пожалуй, это и был их первый настоящий поцелуй.

Казалось, что за спиной у него распахнулись крылья, и на мгновение Шон даже поверил в то, что сейчас действительно засияет, как она того хотела.

Когда он наконец отпустил её, щеки Шанны заливал густой румянец, она дышала глубоко, взволнованно и боялась поднять глаза.

Наверное, нужно было сказать что-то романтическое и нежное, но Шон твердо заявил иное:

– Пойду сегодня же к отцу Шеймусу, и всё узнаю. Не волнуйся, Шанна! Не захочет он, поедем с тобой в Слайго и там найдем другую церковь и другого священника. Всегда ведь можно что-то придумать! Лишь бы ты меня любила, тогда я всё смогу.

– Так и будет, всегда так будет, – улыбнулась она, осмелившись снова заглянуть ему в глаза, – я всегда буду любить только тебя.

И вдруг это сладостное облако нежности, окутавшее их, развеялось, будто ветром сдуло. Она испуганно ахнула и попыталась вскочить.

– Там же отец скоро вернётся. Я должна успеть раньше него. Шон, скорее!

И они подхватились и, ловко прыгая по камням, соскочили на мокрый песок и побежали вдоль берега, так и не расцепив рук.

7 Эй, мистер!

Прошлое

Тишина внутри стояла такая, что сердце замирало. Шон слышал собственное дыхание, и чудилось ему сейчас, что он пыхтит, как толстушка О'Райли, когда она взбирается на холм. Тихие осторожные шаги в этой звенящей пустоте грохотали, будто удары молота в кузне, а сердце колотилось, как у внезапно пойманного кролика.

Он аккуратно прикрыл дверь, чтобы случайно не хлопнула. Медленно побрел по узкому длинному проходу, между рядами крепких, добротных скамеек, робко озираясь по сторонам.

Всё казалось таким величественным, необычным, волшебным.

Ведь это... *ДОМ БОГА.*

А вдруг Бог совсем не ждал его в гости? Вдруг он рассердится и обрушит на рыжую голову Шона свой страшный гнев.

Там, впереди, как свет далёкого маяка, заманчиво мерцали огоньки свечей у алтаря. Шон издали вглядывался в устремлённые вверх колонны из серого камня, изукрашенные резьбой, в белоснежную статую Девы Марии.

Солнечные лучи, пробиваясь через единственный в церкви витраж, озаряли золотым сиянием фигуру Божьей Мате-

ри и стелили огненную дорожку под ноги Фланагану. Витраж был совсем маленький, но жители Каерхина гордились тем, что в их церкви есть такое чудесное и дорогое украшение.

Сейчас Шон понимал, что гордились не зря. Если бы не это причудливое круглое окошко, подобное солнцу, церковь казалась бы унылой, серой и холодной.

Но сейчас он как будто вошёл в сказочный дворец. Страх уже отступил. Душу переполнял восторг. Как жаль, что он упустил столько лет, что никогда не переступал порог храма...

– Ты что здесь делаешь? – гневный резкий окрик разрушил волшебство.

Шон вздрогнул и непроизвольно втянул голову в плечи.

Отец Шеймус с перекошенным лицом направлялся напрямик к нему, и Рыжему захотелось малодушно сбежать сию минуту. Но он напомнил себе, зачем пришёл сюда, и удержал свои ноги на месте.

– Как ты посмел переступить порог Дома Божьего?

Священник замер в двух шагах от Рыжего, гневно сдвинув густые брови, чёрные с проседью.

– Я только хотел спросить...

– Не о чем мне с тобой разговаривать! Это святое место. А ты его оскверняешь, исчадь ада! Пошёл прочь!

– Я же ничего не сделал... – растерянно попытался объяснить Шон.

– А тебе и делать ничего не надо! Ты одним своим появле-

нием на свет уже совершил злодеяние! Ты отравляешь землю Каерхина просто тем, что смеешь ходить по ней. Будь моя воля, тебя бы давно вышвырнули прочь из деревни вместе с твоим распутным отцом! Бесовские отродья, приспешники дьявола!

– Зачем вы так говорите?! – злость и обида заставили Шона позабыть и про страх, и про то, зачем он сюда пришёл. – Мой отец никакой не распутный и не бесовский! Он самый лучший!

– Он грешник, и гореть ему в аду! – рявкнул Шеймус. – Продал душу дьяволу, спутался с сидской ведьмой! Господь отвернулся от него. А ты... и вовсе... непонятно что такое... Раньше таких подмёнышей пороли розгами так, чтобы орали и рыдали на всю округу, пока не являлись за ними настоящие родители – проклятые Богом твари из Холмов. Или бросали в огонь – только пламя способно очистить скверну с проклятой души. Жаль, что прошли эти времена! И теперь мы вынуждены терпеть тебя здесь... Но мало этого, ты ещё и в Храм Божий посмел явиться, наглец! Здесь не место таким, не место. Убирайся прочь и служи свои мессы дьяволу там, на пустошах!

– Сами вы дьявол! – Шон сжал кулаки и гневно зыркнул на отца Шеймуса исподлобья. – Если ваш Бог такой же злой и противный, как вы, то обойдусь и без него! Не очень-то мне и нужна ваша церковь, и ваш Боженька! Мне говорили, что Бог добрый и справедливый, но если бы Он был таким,

Он бы не позволил вам говорить всякие гадости. Значит, или Он злой, или Его вовсе нет...

– Ах ты, мерзкий мальчишка, да как ты смеешь богохульствовать в храме! – рассвирепел отец Шеймус, хватая Фла-нагана за шкуру. – Я тебе сейчас покажу, проклятый подменыш!

Второй рукой священник вцепился в ухо и волосы, так что Рыжий взвыл от боли. Выкрутиться из этой хищной длани он сейчас не мог при всём желании, каждый рывок лишь усиливал боль.

– Пустите! Больно! Не смейте! – взвыл Шон.

Но отец Шеймус, ничего не слушая, грубо волок его к выходу, заставляя склоняться в три погибели. Каждая попытка дёрнуться и освободиться от бесцеремонной хватки, лишь приносила новую боль. Ростом Шон уже вымахал почти как взрослые, но силёнок у него пока было явно меньше, чем у этого безумного.

А что случилось потом, Шон так и не смог понять...

Он помнил, как цеплялся за руки священника, пытаясь разжать его цепкие пальцы, но у него ничего не выходило. А было очень больно – и уху, и душе. Обидно до слёз – за что так с ним?! Эта горькая, отравляющая своей несправедливостью боль заполнила его изнутри, ей стало тесно в груди, она мешала дышать, она давила на сердце. Шону очень хотелось высвободиться, наконец.

Он попытался в очередной раз схватить Шеймуса за руку,

дотянулся до его запястья, и святой отец вдруг его отпустил – отпустил, и дико заорал при этом.

Шон вскинул голову, наконец распрямляя плечи, зло уставился на сумасшедшего Молоуни. А тот в ужасе смотрел на Рыжего и тряс окровавленной рукой.

Кровь... Кровь? Откуда кровь?

Очень медленно понимание настигало Шона. Он, не веря своим глазам, медленно переводил взгляд с располосованного запястья святого отца на крупные карминные капли, бегло срывавшиеся с его кисти. Руку священника расчертили глубокие борозды, словно с него содрал кожу какой-то зверь...

Наконец Шон переместил взор на собственные пальцы, поднёс ладонь к самому лицу, как во сне разглядывая светящуюся золотым светом кожу, огненные прожилки на месте вен, причудливые мерцающие узоры и... острые, хищно-загнутые когти.

– Бес! Дьявол! Изыди! – истерично заблажил отец Шеймус.

Но Шона уже не нужно было подгонять – он сам бросился прочь.

Кажется, вздохнуть удалось только на улице...

С суеверным ужасом он покосился на свою руку, словно она могла напасть на него самого, не спрашивая разрешения. Но глазам Рыжего уже предстала самая обычная мальчишеская ладонь – пара мелких ссадин, подсохшие мозоли...

Рука как рука. Неужели его обманули собственные глаза?

Шон бережно прижал руку к груди, будто она была сломана или болела, и со всех ног побежал к своему дому.

Донал, чинивший сети на крыльце, поднял голову, оглядел сына хмуро.

– Что случилось, парень?

Шон сел рядом, уставился отрешённо в землю.

– Кажется, я сделал что-то ужасное...

Отец рывком сдвинул в сторону рыбацкие снасти и развернулся в его сторону.

– Что случилось, Шонни?

– Они правы, отец... – Шон поднял испуганно-виноватый взгляд. – Я, и правда, чудовище...

8 Эй, мистер!

Прошное

Донал молчал, задумчиво смотрел вдаль и молчал. Потом обхватил голову руками, взъерошив тёмные, чуть курчавые волосы. Наконец вздохнул шумно и повернулся к сыну.

– Ты... главное, не бойся! Слышишь? Фланаганов не запугаешь так просто! Я тебя им не отдам. Пусть только явятся сюда... Будут иметь дело со мной!

– Кому? – шмыгнул носом Шон, сглотнув ком в горле.

– Да хоть кому! – жёстко заявил рыбак, стукнув кулаком в раскрытую ладонь. – Я про Шеймуса и его свору... Чёртов засранец так это дело не оставит. погоди, всю деревню ещё на нас натравит... Хотя, если рассудить, виноват он сам. Не ты же на него набросился... Боюсь, придут они скоро сюда, по твою душу. Только я тебя, сынок, не отдам! И тем... другим... тоже не отдам! Пусть хоть все ши Ирландии за тобой явятся, весь Благой и Неблагой Двор. Никакое ты не чудовище! Понял? И думать так не смей! Ты мой сын, ты – человек, и человек уже сейчас достойный, настоящий. И вот такие, вроде этого святоши, и ногтя твоего не стоят! А то, что умеешь немного больше других, так разве это беда? Мало ли, каким талантом кого Господь наделил.

Шон растерянно хлопал глазами. Он знал, что отец за него всегда горой. Но после того, что случилось в церкви, чув-

ствовал себя не просто виноватым, а каким-то мерзким и жалким, в самом деле, нечистым, и ждал хорошую взбучку. Ядовитые речи священника сделали своё дело: Рыжему казалось, что он заслужил наказание.

А сейчас слова отца его как будто разбудили, точно пелена слетела. Вот будто он спал, а потом проснулся, вышел в рассветное утро и умылся, зачерпнув из бочки ледяной воды. Разом взбодрился и словно заново мир увидел.

Всё-таки как ему повезло с отцом!

– Только вот... – «лучший в мире отец» поскреб щетину на подбородке и покосился на сына – смотрел серьёзно, повзрослому, – как бы нам, Шонни, не пришлось из-за этого из Каерхина уходить.

– Как это уходить? – голос внезапно осип, и Рыжий смог лишь прошептать свой вопрос, а ему так хотелось закричать во всё горло. Паника накрыла его с головой. – А Шанна...

Донал внезапно рассмеялся и потрепал его по голове, как маленького.

– Ох, парень! Как она тебя окрутила ловко, девчонка эта! Ты даже сейчас только про неё и думаешь! Рыжик мой, Шеннон ничего не грозит, а вот тебе... Знаешь, если вся деревня на нас зубами щёлкать начнёт, так проще уж в другом месте счастья попытать... Не дадут ведь житья спокойного, понимаешь?

Шон кивнул угрюмо, едва не плача от досады.

– Сам не хочу, сынок. Тут у нас хоть дом свой, да и жизнь

привычная, заработок есть. А на новом месте никто нас не ждёт. Боязно. Да и не хочу уходить отсюда... Вдруг она всё-таки вернётся, и нас здесь не найдет.

Рыжий изумлённо распахнул глаза:

– Отец, ты... всё ещё надеешься? Ты ждёшь её столько лет? Маму? Так... это всё правда? Твои сказки... Я думал, ты просто меня жалеешь, вот и придумал эту историю.

– Я тебе много раз говорил, что так всё и было. Да только ты это услышать не хотел! – беззлобно проворчал Фланган-старший. – Может, ещё тогда время не настало... Вот теперь, видишь, сам убедился, что в тебе и кровь Волшебного Народца течёт, не только моя.

– Поверишь тут, когда у тебя когти вырастают, – фыркнул Шон, передёрнув плечами. – А у неё... тоже когти были?

– Были...

– И ты не испугался? – изумился Рыжий.

– Ну, парень, скажешь... Настоящего мужчину красивой женщиной не напугаешь! Даже если у неё когти... – отец рассмеялся, так что лучики морщинок разбежались от уголков глаз, а потом добавил тихо и мечтательно, – я их и не замечал, эти когти. Она была такая... Ты говоришь, неужели ты всё ещё надеешься... А я не могу по-другому, Шонни! Потому что если любишь, не можешь иначе, будешь годами ждать, всю жизнь будешь ждать. И никак иначе!

– Я понимаю, – грустно кивнул Шон. – Я бы Шанну тоже ждал, хоть сто лет ждал бы...

– Вот что, парень! Никуда мы с тобой отсюда не поедем!
– Донал вдруг решительно поднялся, отряхиваясь от пыли.
– Я пойду к Молоуни и поговорю с ним.

– Не надо, отец, только хуже будет! – подскочил испуганно Шон.

– Нет, хуже не будет, – покачал головой рыбак. – Хуже будет, если я ему позволю распустить по деревне грязные слухи. Не бойся, я не собираюсь его бить или ссориться с ним. Но... я надеюсь, что смогу быть убедительным. Пожелаешь мне удачи?

Отец лукаво подмигнул.

– Удачи! – вздохнул Рыжий.

– Я скоро... А ты запишись в доме и никого не пускай, пока я не вернусь!

Шон смотрел отцу вслед, пока тот не исчез из вида, потом скрылся в доме, задвинул засов, как Донал велел, и стал ждать его возвращения. Время тянулось невыносимо медленно.

9 Эй, мистер!

Прошрое

Негромкий стук в дверь заставил его вздрогнуть.

– Шон, это я... – услышав знакомый голос, Рыжий выдохнул с облегчением и дёрнул задвижку.

Однако достаточно было одного взгляда на отца, чтобы понять – рано он обрадовался.

Понурый, сгорбившийся, потемневший Донал молча переступил порог, тяжело уселся на скрипнувший под ним стул и со вздохом взялся набивать свою трубку.

Шон тоже помалкивал, смотрел на отца тревожно, ждал, когда тот сам заговорит. Но Донал лишь мотнул головой угрюмо.

– Достань-ка там... в шкафчике... и кружку...

Шон метнулся пулей, принёс пузатую бутылъ, поставил на стол, снова замер напряжённо.

Наконец, не выдержал:

– Ну? Что сказал отец Шеймус?

– Ничего не сказал... – Донал заглянул в кружку и осушил её залпом. – Упокой Господь его душу!

Шон открыл рот и едва не сел на пол мимо табурета.

– Отец... – испуганно прошептал он.

– Нет, нет! Ты что это придумал? – взгляд отца сверкнул из-под насупленных бровей. – Я его и пальцем не тронул. Он,

к счастью, был уже мёртв, когда я там появился... Я подхожу к церкви, гляжу, народ столпился, лица перепуганные... Думаю, ну, видно, наш святоша успел им уже про тебя набрехать... Ладно, думаю, сейчас всё всем разом и объясню... Подхожу ближе, а он лежит там, на телеге... Колум его довёз на своей...

Шон сжался, обхватив себя руками, пытаюсь осознать то, что говорил отец. Сейчас бы обрадоваться... Ведь теперь им нечего бояться, и уезжать не надо, не придётся бросать Шанну, никто не станет его травить, никто не узнает о том, что *такое* Шон Фланаган на самом деле. Но в сердце Рыжего не было радости, лишь жалость к мёртвому и колючая, едкая горечь, а потом пришёл страх...

Шон вскинул испуганный взгляд на отца.

– Я его не трогал! Пап... Клянусь, это не я! Это не я!

– Тише, тише, парень! Ты чего? – старший Фланаган едва не выронил трубку. – Я разве же тебе в укор? И в мыслях не было! Я знаю, что ты тут ни при чём. И, к нашему с тобой счастью, кончился наш святой отец на глазах у человек двадцати, не меньше. Потому... никто тебя не обвинит!

Шон от этих слов немного успокоился, хотя ему по-прежнему было не по себе.

Но тут отец добавил уже не так уверенно, покосившись виновато на сына:

– Надеюсь... не обвинят. Скажи, кто-нибудь видел, что ты приходил в церковь к Молоуни?

Шон отрицательно замотал рыжей головой.

– Точно? Никто? Это хорошо, это очень хорошо, – отец снова потянулся к своей кружке. – Может, тогда и обойдётся...

– Я, правда, ничего ему не делал, только оцарапал... – напыжился Рыжий.

– Я тебе верю, сынок, – серьёзно кивнул Донал. – Но... тут такое дело... Очень уж странная смерть нашего святошу. Нечистое дело... Зная, что про нас болтают, как бы и к этому Фланаганов не приплели. Очень может быть, что умереть Шеймусу помогли...

– Его убили? – ужаснулся Шон.

– Нет. И... да, – отец заговорил чуть тише, будто кто-то мог его услышать. – Я там пока стоял среди зевак, кое-что услышал, кое-что спросил. И по всему выходит, нечто очень странное и дрянное случилось. Выходит, что отец Шеймус свихнулся. Понимаешь? Разум у него помутился перед смертью. Он прибежал бегом на площадь к причалу. При этом кричал истошно, по сторонам оглядывался, брыкался и отмахивался, будто за ним гнался рой пчёл. Разумеется, никто за ним не гнался, все это видели. Да только Шеймус не верил тем, кто его пытался остановить и образумить, умолял спасти его, хватался за прохожих. А потом оборачивался нервно и кричал, чтобы его оставили в покое. Видно, совсем он помешался на этих своих бесах, которыми пугал прихожан. Люди сначала даже посмеиваться стали, а потом уж стало

всем страшно, когда поняли, что святой отец явно не в себе. Он бросился на причал, но несколько наших рыбаков поймали его у самого края, сообразив, что тот сейчас сиганёт в воду и утонет. Оттащили его от воды, но он так блажил и брыкался, что на берегу его отпустили. Он снова стал отбиваться от каких-то невидимых преследователей, опять сорвался с места и побежал в другую сторону. И вот на Горбатом мосту, запнулся, повалился на перила, не удержался и упал вниз.

– Там же не очень высоко? – прошептал Шон, чувствуя, как кровь от лица отливает от такого рассказа.

– Да, но Молоуни угораздило полететь вниз головой, так неудачно, что он мигом свернул себе шею. Когда к нему подбежали, он был уже мёртв. Сначала они даже подходить и трогать его боялись. Уж больно всех перепугал наш святой отец. Потом подвернулся Колум Фицпатрик с телегой... У этого старика всегда хватало здравого смысла. Он убедился, что Шеймус мёртв, и отвёз тело к церкви...

Отец замолчал, но и Шон не сказал ни слова. Он ещё не мог поверить в принесённые отцом вести. Если бы это рассказал кто-то другой, посторонний, Рыжий лишь посмеялся бы над выдумкой. Но отцу точно было не до шуток, да и слишком много очевидцев собралось, чтобы им не поверить.

– Вот так, парень... – отец сцепил руки в замок и положил на них подбородок. – Уж не знаю, кто тут вмешался – Бог или дьявол, но вышло всё к лучшему... Для нас. А может, и для Шеймуса... Он теперь в своём раю, о котором так лю-

бил рассказывать. А мы можем остаться в Каерхине. Бежать нам больше нет нужды. Даже если он кому-то что-то успел сказать, кто поверит словам безумца? Ты, главное, сам не проболтайся, парень! Запомни, Шон, ты сегодня в церкви не был и отца Шеймуса не видел! Даже своей дорогой Шанне ни слова об этом. Если кто-то потребует от тебя поклясться, что ты тут ни при чём, будешь клясться! Ясно?

– Но я ведь взаправду ни при чём... – насупился Шон.

– Это знаешь ты, это знаю я. Но все остальные могут истолковать по-своему... – пожал плечами Фланаган-старший.
– Иногда лучше промолчать, парень. Уж поверь! Я знаю, о чём говорю.

10 Эй, мистер!

Настоящее

Шон застыл у окна, оценивая вид, на который ему придётся любоваться в ближайшие несколько месяцев. Он не вздрогнул и не удивился, услышав за спиной ворчливый голос Роуди.

– Ну? И что всё это значит, мой друг? Ты окончательно сошёл с ума?

Рыжий развернулся к лепрекону и усмехнулся.

– Я же предупреждал тебя, что собираюсь купить гостиницу.

– Но ты не сказал, что она будет в центре Дублина! – насунился гневно Роуди.

– Тебе не нравится? Отличные апартаменты. Давно я не жил так... по-человечески. А тебе достанется номер рядом. Целый номер для тебя одного! И ты даже сможешь проводить там свои эксперименты с горячительными напитками. Только позаботься о том, чтобы всяческие подозрительные запахи не досаждали постояльцам! Мы вернулись на родину и прекрасно обустроились. Чем ты снова недоволен?

– Чем? Друг мой, это Дублин! Это не какая-то тихая окраина. Здесь слишком много смертных! Да и бессмертных хватает. Это не то место, где можно долго хранить свои секреты. Ты рискуешь!

– Наоборот – там, где много людей, проще затеряться, – покачал головой Шон Фланаган. – А вот в маленькой деревеньке всем соседям сразу станет любопытно, кого это принесло, и каждая кумушка непременно заглянет в гости засвидетельствовать своё почтение.

– Это точно, – вынужден был согласиться Роуди, – особенно, когда прознают, что новый сосед холост.

– У меня есть невеста... – улыбка слетела с лица Фланагана, и он снова отвернулся к окну.

– Ага, конечно! Как я мог забыть... Дело за малым – найти её! – фыркнул лепреккон.

– Она здесь в Дублине, или где-то рядом, – вздохнул Шон. – Я это знаю.

– Откуда? – всплеснул руками Роуди. – Опять Лиэсаайне? Ты всё ещё веришь тому, что наплела эта...

– Потихе, друг! – одёрнул его Рыжий. – Оскорбление Дини Ши может стоить дорого... И даже я помочь не смогу, если твои слова донесут до её ушей. Дело не в том, что она обещала. Я просто... слушаю сердце. Я знаю, что *она* здесь, и встреча вот-вот произойдёт. А пока... почему бы нам не заняться гостиничным делом?

– Ладно ты... мистер Фланаган, – иронично хмыкнул коротышка, – но я что тут буду делать, не подскажешь?

– Как обычно... помогать мне, – развёл руками Шон. – Представлю тебя всем как моего личного помощника...

– А заодно бухгалтера, казначея, секретаря, телохрани-

теля... и тайного поставщика спиртного, – продолжал ворчать Роуди, – а иногда просто няньки при великовозрастном мальчишке.

– Уж как есть, Роуди! – рассмеялся Шон и шутливо поклонился. – Твои таланты безграничны, а помощь незаменима! И я, разумеется, помню, как мне немыслимо повезло, что у меня есть такой друг и соратник. Поэтому будь добр, придай себе чуть более «человечный» вид, смени этот ядовито-зелёный костюмчик на что-то более привычное для ирландцев. А дальше... всё, как обычно – самым любопытным скажем, что у тебя редкая болезнь, потому и не вырос, когда полагалось расти. А большинство спросить просто постесняется.

– Ты что собираешься задержаться здесь надолго? – Роуди подошёл ближе и, привстав на носочки, облокотился на подоконник и осмотрел улицу внизу. – Сам хочешь управлять этой гостиницей?

– Пока на пару месяцев, а там будет видно... Разумеется, я не останусь здесь навсегда. Знаешь, есть идея перебраться куда-нибудь в тихий городок у моря и открыть там совсем маленький гостевой дом с собственным пабом и, возможно, торговой лавкой. Разумеется, когда я буду уверен, что этот отель можно оставить на надёжных помощников. Может быть, Брей? Хороший городок...

– Брей? – удивлённо крикнул лепреккон. – Ты про него подумал, потому что этот наглый рыжий мальчишка про это место говорил? А что... ты прав, городок хороший, перспек-

тивный, скоро туда господа отдыхающие потянутся. Кстати, друг мой, ладно, с отелем всё понятно... Но зачем нам этот пацан? Больно ушлый и любопытный. Он тебя в два счёта раскусит.

– Толковый мальчуган, – пожал плечами Шон, – разве нет? Мне нужны умные люди в окружении. Дураков в этом мире и так хватает. Ты прав – раскусит. Но этого я не боюсь. Если я смогу ему помочь, он отплатит преданностью и будет надёжно хранить мои секреты. Ну, чего ты кривишься? Роуди, ты же всегда мне говорил, что я хорошо разбираюсь в людях... Неужели теперь усомнился? Патрик упрям и понимает, чего хочет. Если он согласится учиться грамоте и будет прислушиваться к моим советам, через несколько лет у меня в планах оставить его управлять этим отелем.

– Управлять отелем? – Роуди почесал макушку. – Ты купил отель, чтобы отдать его наглому рыжему бродяжке, которого нашёл в подворотне? Шон, я не прав... Безумие тебе не грозит, оно тебя уже настигло.

– Да брось! У меня ещё будет время присмотреться к этому Падди, узнать, на что он способен. Но мне кажется, он станет лучшим управляющим, какого только можно найти в этом городе. И уж точно самым надёжным и честным. Разумеется, я не собираюсь говорить Патрику о своих планах прямо сейчас.

– Ты так уверен, что он придёт завтра? – хмыкнул Роуди.
– Уверен, – спокойно кивнул Шон. – Придёт. И согласится

на работу в отеле. Ему есть ради кого стараться. А пока нам поможет Эйрин.

– Милейшая девочка, милейшая... – благостно улыбаясь, кивнул лепреккон.

– Видишь, какие чудные люди нас окружают? Такие планы, Роуди! Взрастим себе достойную замену, дадим дорогу юным... А мы с тобой, мой друг, снова исчезнем– отправимся в тихий маленький Брей, где поменьше человеческих глаз, и можно спрятать ото всех мои нечеловеческие странности.

11 Странности Шона Фланагана

Странности Шона Фланагана

*И шепчут волны древние сказания
 О всех, кто так сидел на берегу,
 Встречал рассветы,
 Провожал закаты,
 И слушал море,
 Затаив дыхание...
 А слышал в тишине,
 Как бьётся
 сердце
 мироздания.*

стихи автора

Прошлое

Впервые он начал видеть *странное* ещё мальчишкой...

Шон встретил её в лесу, где часто бродил один.

Он не боялся уходить в самую чащу, и это, пожалуй, уже можно было считать странностью. В Каерхине никто не ходил в лес или на пустоши в одиночестве, никто даже из взрослых.

И уж, конечно, детям строго-настрого запрещалось уходить далеко за пределы деревни.

Хотя Шону всегда это казалось глупостью. Ведь самые страшные звери, которых можно было встретить в их лесу, олени. А эти пятнистые ребята такие пугливые, что обычно увидеть получалось лишь их короткий хвост и светлый зад.

Но жители Каерхина боялись не зверья, а чего-то другого. Древнего, непонятного, жуткого... О чём обычно говорили

только шёпотом.

И перед чем маленький рыжий мальчишка никогда страха не испытывал. Ему в лесу было так же уютно, как в их маленьком доме на берегу, или как в море с отцом. Тот иногда смеялся, что его сын ещё в детстве где-то потерял свой страх, обронил вместе с любимой погремушкой, и с тех пор вовсе не знает, что это такое. Отец Шону ничего не запрещал, и тот носился всюду, где хотел, как вольная птица.

В тот день он шёл знакомой тропкой, направляясь к древним развалинам, самому любимому своему месту. В деревне полушёпотом рассказывали жуткие легенды о том, что в давние времена в их краях был эльфийский город, а там, на лесной поляне, стоял храм сидов, где они поклонялись своей богине – Пресветлой Дану.

Люди выдворили Дивный Народ прочь с этих земель, загнали их в Холмы, а на месте их нечестивого капища воздвигли храм истинной веры – католической. Но злые фейри отомстили смертным и разрушили храм, погребли всех, кто пришёл на службу, под обломками каменного свода.

Возможно, дело было вовсе не в проказливых и злопамятных ши, а в обычном землетрясении, но люди предпочитали верить в страшные сказки. И маленький Шон тоже верил тому, что слышал. Ведь правду не знал никто – руины появились несколько столетий назад.

Про землетрясения Шон узнал совсем недавно – о них рассказал мистер Фицпатрик. Старик вообще любил расска-

зять что-нибудь интересное, попутно обучая Шона грамоте. А уж Фланаган слушал и впитывал всё, что слышал.

Вот теперь Рыжий и задумался о настоящих причинах разрушения старого храма. А заодно вспомнил вдруг некоторые удивительные вещи из своего детства и подивился, как он мог забыть такое.

То, что произошло с отцом Шеймусом, всколыхнуло эти воспоминания и будто пробудило ото сна. Смерть священника можно было объяснить лишь происками нечистой силы. И Шон невольно стал перебирать свои воспоминания, как перебирала Шанна подаренные им ракушки, и вдруг понял, что ему уже доводилось встречаться с теми, о ком в деревне даже говорить боялись.

Отчётливо вспомнился тот летний день. И неожиданная встреча. Он вышел к древним руинам и удивлённо остановился. На одном из камней сидела... она.

Девчонка. Пожалуй, чуть старше самого Шона. Подставив лицо солнечным лучам, прикрыв глаза, не пряча под юбку голые коленки и босые ступни. Ветерок колыхал лёгкое зелёное платье. Золотистые длинные волосы небрежной, чуть спутанной копной стекали по спине и поросшему мхом камню.

– Здравствуй! – окликнул её Рыжий. – Ты откуда здесь?

Он точно никогда не видел эту девчонку в деревне. Значит, она пришла из другого поселения. Но где же тогда её

родня? Неужели ей тоже позволили бродить по лесу одной?

Девчонка вздрогнула и посмотрела на него в упор, потом огляделась, словно кого-то искала, снова посмотрела на него и неожиданно улыбнулась.

– Здравствуй! – она рассматривала его с таким любопытством, что Шон смутился, потом махнула рукой неопределённо. – Оттуда...

– Разве там кто-то живёт? – удивился Рыжий.

– Я... – улыбнулась девочка.

– Почему же я тебя тут прежде не видел? – Шон забрался на большой обломок каменной колонны рядом с незнакомкой.

– Меня больше удивляет, что видишь сейчас... – странно усмехнулась девчонка. – Кто ты такой?

– Шон Фланаган, – радушно представился Рыжий.

– Очень ты странный, Шон Фланаган... – она хитро прищурилась. – Разве ты не знаешь, что своё имя не стоит доверять чужим?

– У нас обычно говорят имя, когда с кем-то встречаются первый раз, – удивлённо пожал плечами Шон. – Разве в вашей деревне не так?

– Деревне? – вскинула брови девчонка. – Откуда ты такой свалился?

– Из Каерхина. Мы живём там с отцом. Он рыбак. А...

– А твоя мать?

– У меня её нет, – Шон стыдливо отвёл глаза.

– Вот это да! Кажется, я всё поняла... – девчонка изумлённо покачала головой и даже слегка подалась вперёд. – Ты полукровка?

– Кто?

– Бедняжка, – вздохнула сочувственно девочка. – Разве можно бросить такого несмышлёныша и даже ничего не объяснить!

– Думаешь, я глупый? – насупился Шон.

– Думаю, ты несчастный... – вздохнула девочка. – Хочешь, я тебя заберу с собой?

– Хочу, – любопытство взяло вверх, но потом ему на смену пришла осторожность, – а куда?

Девчонка рассмеялась весело.

– Впредь сначала всегда спрашивай, а потом уже соглашайся, Шон Фланаган! – подмигнула она и вздохнула как-то совсем по-взрослому. – Рано тебе ещё со мной... Лучше приходи сюда завтра! Поиграем...

– Хорошо, – кивнул Шон, – а ты будешь ждать здесь? Или где мне тебя искать?

– Буду. Просто позови, – улыбнулась загадочная девчонка.

– Ты же мне не сказала, как тебя зовут, – напомнил Шон.

– Зови... просто Майей!

Девчонка прыгнула с камня так легко, что на какой-то миг Шону показалось, что сейчас она не на землю встанет, а взлетит прямо к облакам, как яркая бабочка.

Позади Шона в кустах раздался шорох. Он отвлёкся на

миг, посмотрел туда, пытаясь понять, кто там – птица или какой-то зверь, а когда развернулся обратно, Майя уже бесследно исчезла.

На следующий день он пришёл туда снова – девочки не было...

Но стоило прокричать её имя, как Майя вышла из-за угла обрушенной стены, заросшей плющом и хмелем. Весь день они играли в прятки и догонялки и весело смеялись, падая в мягкое зелёное облако клевера. Как только солнце подползло к горизонту, она попрощалась и ушла.

Майю Шон видел ещё дважды. Веселье продолжалось, а то, что поначалу казалось странным, уже не смущало Шона.

– Ты говорил, что хотел бы увидеть, где я живу... – сказала она вдруг при очередном прощании и замолчала на полуслове.

Шон закивал рыжей головой – ему очень хотелось пойти в гости к своей новой весёлой подруге.

– Приходи завтра позже, на закате, и я возьму тебя с собой! – пообещала Майя.

И он радостно согласился.

Но утром Шона начала мучить совесть. Ведь если он не вернётся, когда стемнеет, отец будет за него переживать. И Шон решил рассказать отцу о приглашении своей «лесной» подруги.

Никогда прежде Шон не видел Донала таким бледным, никогда в глазах его не отражался такой ужас. Шон и сам

испугался, понял где-то внутри, в сердце, что сделал что-то дурное...

Но отец не стал его ругать. Он только велел поклясться, что Шон больше никогда не пойдёт к тем руинам и не станет звать свою странную подружку, живущую в лесной чаще. Рыжий пообещал и даже спорить не стал, уж больно страшен был вид отца в то утро.

Шон пообещал, что забудет Майю. И он действительно забыл. С годами те встречи стали казаться просто красочными детскими снами.

Но сейчас эти воспоминания вернулись, а вместе с ними вернулось желание отыскать древние руины и снова позвать Майю. Вдруг она сможет дать ответы на те вопросы, которые не дают покоя Шону.

Ведь должен кто-то знать, что не так с рыжим Фланаганом. Единственное, что пока сдерживало Шона от нового похода в лес, это клятва, данная отцу.

12 Странности Шона Фланагана

Прошлое

Удивительное дело, но про несчастье, случившееся с отцом Шеймусом, в Каерхине забыли довольно быстро. Наверное, сильно напугал всех спятивший священник. Обычно про разное такое болтать народ любил. А тут все как воду в рот набрали.

Пару недель Донал Фланаган настороженно прислушивался и присматривался ко всему, что происходило вокруг, с опаской ждал очередной беды, но, похоже, никто не собирался являться и требовать голову его сына.

Вскоре в Каерхин приехал новый священник. Не такой озлобленный и категоричный, как Молоуни. Но оба Фланагана, памятуя о прошлых неприятностях, предпочитали больше не появляться в церкви. Мало ли...

Шанне Рыжий пообещал, что обвенчаются они в Слайго. И она только кивнула с улыбкой – она бы и на край света поехала за ним, лишь бы отец позволил. Как раз на днях случилась неприятная стычка...

Очередное «незаконное» проникновение в сад Маккеннетов закончилось стрельбой. К счастью, не по Шону. Всё-таки Брайен это вам не безумный Шеймус. Он слишком благоразумен, чтобы делать опасные глупости.

Но, застав Рыжего в своём саду, отец семейства схватился за ружье и для устрашения выстрелил в воздух. Видимо, этот залп в небеса должен был напугать Шонни, но он лишь расхохотался и припустил бежать быстрее.

Теперь, когда Фланаган узнал, как сладки поцелуи его милой, нежной Шанны, разве что-то удержало бы его на расстоянии от любимой?

Заросли роз привычно укрыли их от посторонних глаз, Шон прижал к груди свою ненаглядную, слушал, как взволнованно колотилось её сердечко. И его собственное с ней рядом тоже сходило с ума.

Ах, когда же настанет тот день, когда им не нужно будет прятаться по кустам? Будто они совершают что-то ужасное...

Ведь он любит Шеннон всей душой, а она любит его. И это так прекрасно, это сияет внутри, как солнце!

А мистер Маккеннет почему-то рычит каждый раз и ругает их последними словами.

Вот и сейчас явился так некстати – Шон едва успел убрать руки с талии своей любимой девочки, поцелуй её нежных губ ещё не растаял на его губах, и... снова этот папаша, с его криками, угрозами, а теперь ещё и ружьём.

Шон рванул к забору, зацепился за одну из колючих веток, разодрал руку и зашипел от боли и досады. Он дёрнул рукав, чтобы высвободиться из «розового» плена, не рассчитав силы и вдобавок ударился ногой об острые камни, тор-

чащие из осыпавшейся кладки. Вот так, изрядно покалечившись, Рыжий наконец-то перемахнул через изгородь и бросился прочь от дома Маккеннетов.

Отбежав достаточно, чтобы его уже не было видно из окон дома Шанны, беглец остановился и задрал штанину... Ну вот, до крови разбил колено, теперь, пожалуй, ещё несколько дней будет болеть. Чуть прихрамывая, Шон побрёл дальше.

Домой ему не хотелось – до заката ещё пара часов, и Рыжий отправился к морю. Решил искупаться.

На самом деле, на такое отважился бы не каждый мальчишка в деревне, всё-таки вода в океане дюже холодная, да и волны чаще всего огромные, сбивают с ног. Но Шон был сыном рыбака, и мощь водной стихии его не пугала, да и к холоду с детства привык.

А ещё у Рыжего было своё секретное место. Чуть дальше Ведьминого мыса он обнаружил небольшой, почти круглый залив. Эта «чаша» была отрезана от океана каменной грядой – вода сюда набиралась лишь во время сильных штормов, а потом оставалась, образуя нечто вроде солёного озера. Здесь и волны намного меньше, и глубина небольшая, поэтому заводь даже прогревалась неплохо – уж точно была теплее океанских вод. Сюда и пришёл Шон в этот вечерний час.

Раны сейчас, конечно, будет щипать невыносимо, зато от солёной воды скорее затянутся. «Надо лишь перетерпеть немного, потом станет легче!» – уговаривал себя Шон, стя-

гивая одежду.

Рыжий направился к воде, но вдруг изумлённо замер.

Сначала он внимательно покосился на свою руку, потом на ногу... И не обнаружил ссадин ни там ни тут. Кровь при-сохла и размазалась по совершенно гладкой коже.

Не поверив глазам, Шон подбежал к воде, зачерпнул в пригоршню, принялся отмывать разбитое колено. Но, смыв кровь и грязь, лишь убедился в том, что всё уже зажило. Не прошло ещё и часа, а от ран не осталось даже следа. Как же такое возможно?

Шон уселся на песок, внимательно разглядывая собственное тело, и вдруг ошарашенно понял, что зажили не только эти раны. Уже давно он не вспоминал про мелкие ссадины и мозоли на ладонях.

У человека, который привык работать руками, подобные неприятные ранки – привычное явление, но сейчас он не обнаружил ни одной. Ладони – чистые и гладкие, словно он какой-то благородный господин, а не рыбак из деревни.

Шон почесал рыжий затылок, не зная радоваться ему этим новым странностям или пугаться. А ещё пока он не решил, стоит ли рассказывать об этих чудесах отцу. Впрочем, у него было ещё немного времени, чтобы поразмыслить об этом.

Шон наконец вспомнил, зачем он, собственно, явился сюда и с разбега нырнул в солёные зеленоватые воды.

Стоило ему всплыть на поверхность, как до слуха Фланэгана долетел ещё один всплеск, словно запоздалое эхо. Он

закрутил головой и увидел, как в волнах неподалёку мелькнуло что-то тёмное, гладкое, округлое. Кажется... он спугнул... тюленя...

Обжигающе-бодрящее море отозвалось мурашками на коже. Шон размашисто погрёб против волн, чтобы скорее согреться. Закатное солнце уже почти царапало краешком горизонт и слепило глаза рыжим заревом.

Он видел, как рядом в волнах снова что-то мелькнуло, но разглядеть не получалось. Тотчас шумно плеснуло за спиной, обдав фонтаном ледяных брызг. Шону это не нравилось...

Он развернулся резко и поплыл обратно к берегу. Сейчас хотя бы солнце светило в затылок и не мешало смотреть, что происходит вокруг.

Теперь крупная тёмная тень, мелькнувшая в глубине, не осталась незамеченной. Это действительно был тюлень. Только вот... где это видано, чтобы тюлени сами подплывали к людям?

Когда что-то прохладное и скользкое задело его бедро, Шон охнул от неожиданности и погрёб ещё быстрее. Прямо перед ним мелькнул гладкий серебристо-серый бочок, и новый фонтан брызг заставил отшатнуться в сторону. Ноги шаркнули по дну. Шон выбрался на мелководье.

Он тотчас вскочил в полный рост. Пусть волны и доходят до груди, но уже то, что здесь есть опора под ногами, а до

берега всего несколько метров, как-то успокоило.

Рыжий выдохнул наконец, но по-прежнему озирался настороженно. И не зря...

Он снова почувствовал прикосновение под водой. Кто-то дотронулся до его спины. Шон обернулся, но море надёжно прятало шутника.

Нет, надо срочно выбираться на берег!

В нескольких шагах от него из воды вдруг выскочил, словно пробка из бутылки с забродившим вином, всё тот же тюлень, бултыхнулся обратно, и сию же минуту звонкий смех рассыпался в воздухе, как переливы колокольчика.

Да что же это такое? Шон завертел головой, но берег был пуст, и море, разумеется, тоже.

Он успел сделать лишь пару шагов к берегу, когда прямо из глубины перед ним появилась... сначала копна тёмных волос, а потом над водой поднялось миловидное девичье лицо, с большими карими глазами, невероятно красивыми и блестящими так загадочно.

– Испугался? – лукаво улыбнулась красавица.

– Вовсе нет, – горделиво фыркнул Рыжий, хотя у самого душа в пятки ушла.

– Тогда почему сбегаешь так быстро? – усмешка ярких, красиво очерченных губ стала откровенно дразнящей. – Поплавай со мной!

Она чуть приподнялась над волнами, и Шон задохнулся на миг от понимания, что на ней, должно быть, нет никакой

одежды. А ведь разгуливать голышом неприлично.

Смутившись, Шон отвёл взгляд в сторону и буркнул тихо:

– Лучше я пойду...

– Да не бойся, я не обижу! – снова звонко рассмеялась девица.

– Я и не боюсь, – Шон старался не смотреть на неё, – мне просто пора. Отвернись!

– Зачем? – развеселилась она.

– Выйти хочу, одеться, – кажется, у Шона покраснели даже уши.

– Подумаешь! Что я тебя голым не видела? Сколько раз ты тут уже купался, а? Все эти глупые условности для людей...

– А ты... кто? – сглотнув, тихо спросил Рыжий.

– Лучше спроси – кто ты! – звонко рассмеялась красавица.

– Ладно уж, выходи! На берегу смелее будешь...

И она со смехом исчезла в волнах.

Шон едва сдержался, чтобы не броситься из воды бегом. Но никто его в море удержать не пытался.

Однако, когда он оказался на берегу и уже схватился за свою одежду, с очередным всплеском волны на мокрый песок выбрался забавный пузатый тюлень. Его мокрая кожа блестела на солнце. Тюлень внимательно наблюдал за Рыжим.

– Сказал же – отвернись! – разозлился он.

Правда, штаны он уже натянул, но такая бесцеремонность его взбесила.

А в следующий миг Рыжий опешил ещё больше...

Тюлень резво перевернулся на спинку, и из его брюшка, как из одеяла, вдруг выскользнула та самая темноокая незнакомка. Она сбросила тюленью шкурку, словно одежду, и осталась нагишом. Потянулась, разминая косточки, демонстрируя бесстыдно все свои девичьи прелести.

Шон стыдливо отвёл взгляд, но совсем не смотреть в её сторону не получалось.

– Чего глаза прячешь? Неужели не нравлюсь? – снова взялась дразнить девчонка.

– У нас так ходить непринято... – проворчал Рыжий.

– У кого это... «у нас»? – хмыкнула она, без всякого стеснения усаживаясь рядом.

– У людей, – Шон всё-таки не удержался от беглого взгляда по её невероятной фигуре, потом сосредоточился на глазах и лице, спросил с запинкой, – ты... роана[1]?

– Ага, – просто кивнула она и снова улыбнулась соблазнительно, – так что не бойся, ничего я тебе не сделаю. Мы добрые. Разве что... поцелую...

– Не надо! – Шон отодвинулся резко.

А она снова расхохоталась.

– Разве я так ужасна? Ты что не знаешь, мальчик, что роаны самые прекрасные из фейри? Да каждый смертный мечтает заполучить нашу тюленью шкурку, чтобы мы навсегда остались с ним!

– Ты очень красивая, – виновато признал Шон, – но у меня

уже есть невеста. Я другую люблю.

– Знаю, – мечтательно улынулась роана. – Видела вас на берегу. Красивая девочка... Жаль, что вместе вам не быть.

– Это ещё почему? – зашипел Рыжий, как рассерженный кот.

– Сам знаешь – не позволят, – печально вздохнула феяри. – Никому не верь, Шон Фланаган! Ты для всех только игрушка... Корысть движет не только людьми.

– О чём ты? – нахмурился Рыжий, даже не удивившись, что она знает его имя.

– Потом поймешь... – отмахнулась роана. – А мне верить можно. Я не обижу. Ты приходи, если будет тяжело... И если не будет тяжело, приходи – поплаваем, поболтаем. Позовёшь, я приплыву...

– Как позвать?

– Кликни с берега! Ааргиад... – улынулась она, – так можешь называть...

– Но это не твоё имя? – сообразил он.

– Прозвище, – согласно кивнула она. – Настоящее имя никто тебе не скажет. Ты слишком силён, чтобы тебе доверять подлинное имя. Ты же наполовину Дини Ши. Ты сильнее меня, и даже сильнее той, которую зовешь Майей... Просто ты ещё не чувствуешь своей силы.

– Откуда ты знаешь про Майю? – удивился Шон.

– Знаю, – Ааргиад нахмурилась и, поёжившись, обхватила себя руками, словно замёрзла. – Никогда её больше не зови,

Шон! Ты можешь ходить в лес. Те руины – ты черпаешь силу в этом месте, чувствуешь, что это место когда-то чтилось твоим народом как святыня. Но Майю не зови. Слышишь? Это не шутки. А если явится незваная, скажи трижды вслух: «Нет твоей власти надо мной. Моё имя только моё!». Запомнишь?

Шон кивнул, настороженно поглядывая на свою новую знакомую.

– Ааргиад, а... – Рыжий набрал воздуха побольше и выпалил, – мою мать ты тоже знаешь?

Она скосила на него чёрные глаза, задумалась на мгновение, покачала головой.

– Прости! Есть вопросы, ответы на которые ты должен найти сам, – она вдруг вскинула голову, будто прислушиваясь, и тотчас поднялась изящно. – Ступай, отец тебя ищет! Приходи ещё, Шон Фланаган, я найду, что тебе рассказать. А Доналу лучше ничего про меня не говори... Ему так спокойнее будет. Впрочем, как хочешь. Я ведь не Майя. Прощай, Рыжий! И подумай насчёт поцелуя...

Её звонкий смех долетел от самой кромки вод. Одним неуловимым движением роана, набросила на плечи серебристую шкурку, и вот уже проворный серый тюлень исчез в зеленоватых морских волнах.

[1] Роаны или шелки – люди-тюлени, один из самых доб-

родушных видов водяных фейри. Практически не проявляют агрессию, нередко сами становятся жертвами людей. Чаще их можно встретить в облики тюленя, «шкурку» сбрасывают только на берегу на короткий срок. В человеческом облики невероятно красивы.

13 Странности Шона Фланагана

Прошлое

Прежде чем натянуть выстиранные накануне штаны и самую новую и нарядную рубаху, Шон тщательно отмыл от грязи ботинки и теперь натирал их до блеска. За этим занятием его и застал отец.

– На праздник хочешь пойти? – нахмурился Донал.

Шон замер, посмотрел на отца настороженно – неужто запретит?

В деревне не так уж часто устраивали какие-то большие празднества – излишние траты многим были не по карману. Поэтому, когда дела обстояли совсем уж худо, праздники не проводили. Ведь на общий стол каждый по традиции приносил какое-то угощение. Нынче Шон, к примеру, собирался поделиться частью утреннего улова рыбы да корзиной устриц и мидий.

Обычно гулянья проходили на площади у причала, где весь Каерхин собирался – как правило, на следующий день после Рождества и Пасхи. Здесь ставили столы прямо под открытым небом, места хватало и для танцев, и для музыкантов.

В сторонке можно было поболтать по душам с соседями. А кто замёрз или не хотел плясать, тот мог на время укрыться в единственном деревенском пабе, в будни умело притво-

рвавшемся торговой лавкой.

В праздники его двери гостеприимно открывались даже для совсем «зелёных» парнишек, а также для девчат, которых обычно и за порог дома-то не пускали одних, какой уж там паб! Но в праздники все были на виду у всех, а значит, старшее поколение (якобы) приглядывало за младшим и не допускало никакого разврата, а потому дозволялись некоторые вольности в поведении.

Как раз по этой причине юноши и девушки на такие гулянья рвались всей душой, ведь там можно было пригладеть себе невесту или жениха, без опаски поболтать с тем, кто пришёлся по сердцу, и даже подержаться за руки, пока танцуешь.

Сегодня праздновали День Урожая, который ещё называли День Картошки. Вот на этот весёлый праздник собирались далеко не каждой осенью, ведь порой праздновать было особо нечего. Неурожай картофеля для всей Ирландии становился настоящей бедой, ведь это, по сути, был «второй хлеб», а для кого-то и первый.

Но нынче картошка выросла, и деревенские решили, что повод для праздника есть.

У Шона повод для праздника тоже нашёлся – ему удалось узнать, что на застолье обещал пожаловать мистер Маккеннет. Собственно, ничего тут удивительного, ведь основной доход ему приносили как раз картофельные поля.

Но Рыжий так рвался на праздник по другой причине,

ведь Брайен Маккеннет придёт туда не один, а с женой и дочерью. Значит, у него будет возможность полюбоваться Шанной, а если повезёт даже пригласить на танцы.

При всей неприязни к Фланагану, мистер Маккеннет не станет позориться и учинять ссору на людях. Да и прогнать Рыжего с праздника он не имеет права, это ведь не его собственный двор.

Вот потому и вырядился сегодня Шон, как на свадьбу. Вот потому всю ночь от волнения не мог уснуть. Вот потому сердце билось сейчас так неистово.

И вдруг отец... с его угрюмым лицом и вопросом, который не сулил ничего хорошего.

Шон и сам прекрасно понимал, что лучше бы ему остаться дома. С тех пор как с Шеймусом Молоуни «случилось несчастье», отец стал всерьёз тревожиться за Рыжего.

Он так не переживал за Шонни, даже когда тот был намного меньше – всегда отпускал без лишних напутствий, и младший Фланаган носился всюду, как вольный ветер. А вот теперь стоило где-то задержаться или отправиться одному в деревню, как Донал уже места себе не находил.

Идти туда, где он будет на виду у всей деревни, это, конечно, затея глупая. Но...

– Там будет Шеннон, – почти простонал Рыжий, не сводя с отца умоляющего взгляда.

С минуту тот хмуро глядел на сына, потом вздохнул шумно и выдал:

– Тогда и я пойду...

Просиявший было Шон вдруг насупился – хорошо, конечно, что отец вовсе дома не оставил. Но, с другой стороны, это что же выходит – он будет весь вечер, как маленький мальчик, под отцовским надзором.

– Не кисни! Я не собираюсь следить за тем, не сползла ли случайно твоя рука заметно ниже талии Шеннон. Просто хочу быть поблизости, если вдруг что... Посижу с мужиками, выпью эля... Может, даже спляшу, как в молодости. Покажу вам, желторотым, как танцуют настоящие ирландцы!

Шон буквально расцвёл – такая затея пришлась ему по душе.

Отец ведь тоже не видит ничего, кроме своих сетей и моря. Скоро с рыбой разговаривать начнёт. Ему тоже на празднике, среди людей и веселья, побыть не помешает. Как здорово, что они пойдут вместе!

Когда спустя час оба Фланагана явились на праздник, веселье уже было в самом разгаре. Ещё издалека слышна была задорная музыка и веселый гомон.

Вопреки ожиданиям отца, приветствовали их радушно. Знакомые рыбаки утащили Донала тотчас «пропустить по кружечке», а Шон пошёл на звуки музыки...

Он чуть растерянно оглядывал многоликую толпу, разыскивая ту, ради кого явился на праздник. И вот, в какой-то миг, народ расступился, и он увидел её, свою Шанну.

И показалось на мгновение, что все остальные исчезли

бесследно. Осталась лишь её приветственная улыбка, да метнувшийся ему навстречу светлый нежный взгляд.

Шон ловко протиснулся сквозь толпу, в одно мгновение оказавшись рядом с Шеннон.

– Здравствуй! – улыбнулся он самой счастливой улыбкой на свете.

– Ты пришёл... – глаза её так сияли, что больше и говорить ничего не надо было.

Шон замер рядом с ней, любуясь, разглядывая мелкие детали, которые сперва не заметил...

Ведь он видел лишь одно, самое главное – она прекраснее всех на этом празднике. Вернее, он никого, кроме Шанны, вовсе не замечал.

Длинные шелковистые волосы, заплетённые в две косы, украшал веночек из полевых цветов. Аромат медового разнотравья кружил голову на расстоянии.

На Шеннон была белая блузка, с красивой вышивкой нежно-голубого цвета, оттенявшей её бездонные глаза. Упругая юная грудь трепетно вздымалась в глубоком вырезе, и Шеннон стыдливо запахивалась в ажурную тонкую шаль. Шон был уверен, что эту искусную вышивку и платок-паутинку сотворили её талантливые руки. Клетчатая яркая юбка обтекала ладные бёдра красавицы, широкий пояс привлекал внимание к тонкой талии.

Такая стройная, такая красивая, и каждое движение лёг-

кое, как порыв ветерка. А кожа... как нежные сливки. А губы... Как же хотелось поцеловать их прямо сейчас!

От Шона не укрылось, как она потянулась к нему, стоило подойти, всем своим существом потянулась: взглядом, телом, дрогнувшей рукой, нежной улыбкой...

Но обнять её сейчас он не мог, как бы ни хотелось. Слишком много вокруг тех, кого они не замечают, но кто точно заметит любой слишком вольный жест Фланагана.

Уже через пару мгновений Шон почувствовал на себе внимательный взгляд, обернулся и увидел, что с него не сводит глаз мать Шеннон. Миссис Маккеннет – худощавая, высокая, аккуратно одетая, ухоженная женщина – несмотря на возраст, выглядела поистине привлекательно.

Несомненно, природная красота матери досталась по наследству Шеннон, только его девочка обладала ещё большей хрупкостью и нежностью. Ей бы родиться дочерью аристократов с такой изысканной внешностью.

А то ведь деревенские дурочки ещё и потешаются за глаза, шушукаются из зависти, что, дескать, она не девка, а призрак ходячий, тощая как банши. И вообще в хозяйстве бесполезная... Мешок или корзину не поднимет, дров не наколет, бельё стирать будет, так, поди, вместе с ним унесёт река.

Шон однажды услышал эти сплетни и сразу кумушкам объяснил, что лучше бы им рты держать закрытыми, и за своими фигурами следить, а то скоро платья по швам треснут. Но всё-таки Рыжий догадывался, что когда он не слы-

шит, болтают ещё и не такое.

И когда мистер Маккеннет не слышит, разумеется. При Брайене никто бы не посмел про его дочь хоть что-то дурное сказать.

Шон, поймав чужой взгляд, сначала испугался, что это как раз он – вредный папаша Шанны. К счастью, это была лишь её мать, но Рыжий всё равно скис. Ведь сейчас миссис Маккеннет точно уведет его милую и больше не подпустит к Флангану ни разу за весь вечер.

Но женщина, ревниво и строго окинув взглядом обоих, сочла, видимо, что ничего дурного они не делают, и, к удивлению Шона, вернулась к разговору с двумя соседками, лишь изредка бросая взгляды на ожидавшую танцев молодежь.

Кажется, сегодня удача улыбалась Шону – всё пока складывалось самым лучшим образом.

Отец позволил пойти на праздник, и сам пошёл, но выполнил обещание и не досаждал сыну излишним вниманием. Он уже нашёл себе уютное местечко за столом, который ломился от сытных яств.

Там же, в стороне от шума, поглощённый разговором с новым священником и деревенским кузнецом, сидел мистер Маккеннет. Судя по раскрасневшемуся лицу, он был уже изрядно навеселе, и думать забыл о том, чтобы приглядывать за собственной дочерью. А мать её, хоть и была начеку, отгонять возможных женихов от вполне уже взрослой дочери

не торопилась.

С той стороны, где сидели мужчины, тянуло такими ароматами, что живот урчал, как голодный кот.

В центре стола, среди прочих кушаний, возвышалась корзина с румяным, пышным хлебом. Ведь когда-то давно, когда День Урожая ещё называли Лунаса, Ламмас или Лугнасад, именно урожай хлеба чествовали в первую очередь. Нынче картошка каждому ирландцу была ближе зерна, и она занимала почётное второе место на праздничном столе.

Флинн Кейн, который держал самое большое стадо овец в Каерхине, притащил на праздник барашка. Его сейчас запекали на открытом огне. Поскольку деревенька стояла на берегу, не обошлось и без рыбы, и прочих морских даров. Всё это тоже отправилось к огню, составив компанию барашку и овощам. В том числе то, что принесли Фланаганы.

Шон издали приметил и черничные пироги – ещё одно традиционное блюдо, ведь черника и прочие ягоды – это тоже дары природы, символ плодородия и урожая.

Все эти вкуснейшие блюда, которые Шону доводилось пробовать только по праздникам, манили, как огонь маяка в ночном море. Но нынче рядом с Рыжим оказалось куда более желанное лакомство...

– Пироги или танцы? – подмигнул он Шанне.

В душе Шон надеялся, что и она пока откажется от еды, ради возможности хотя бы немного побыть рядом, пока её строгие родители не вспомнили, что они строгие.

– Идём в круг! – рассмеялась Шеннон, вкладывая свою маленькую ручку в его горячую ладонь.

Рыжий подхватил её смех и повёл за собой, решительно втискиваясь в круг танцующих.

Пока что танец был общим: парни и девушки, мужчины и женщины, объединившись в широкое в кольцо, плясали отчаянно весело и шумно, касаясь лишь рук своего соседа или соседки. Шон был счастлив, чувствовать нежные пальчики Шанны в своей руке. А ещё его радовало, что по другую сторону от Шеннон оказалась девчонка, а не парень. Пусть никто не смеет касаться его «прекрасной розы»!

Шон ждал, когда наступит черёд парных танцев. Вот тогда Шанна будет принадлежать только ему, вот тогда можно будет невзначай коснуться не только руки, вот тогда можно будет ещё и говорить, и в глаза ей смотреть, и мечтать о её губах, которые будут так близко.

Глаза молодёжи уже горели озорным блеском. Парных танцев ждал не только Рыжий.

Внезапно рядом с музыкантами появилась боевая старушка в нарядном клетчатом жилете и такой же юбке, миссис Хейли. Одним повелительным жестом она остановила танец и велела играть потише разошедшемуся скрипачу.

– Эй, мои дорогие, что-то скучно тут... Да мой годовалый внучок Кевин танцует задорнее любого из вас! Неужто тут нет знатных танцоров? Вот была бы я моложе, задала бы вам жару!

Толпа загудела, но совершенно беззлобно, уже зная, к чему клонит старая Хейли.

— А не устроить ли нам состязание? — хлопнула в ладоши зачинщица веселья. — А ну-ка, есть тут настоящие ирландцы? Вы мужчины или дохлая рыба? Пора выбрать «брата и сестру Ламмаса»! Красотки, разойдись-посторонись! Парни, выходи! Кто докажет, что он лучший танцор Каерхина? Кто не боится показать свою удаль? Кому достанется самая красивая невеста на сегодняшнем Празднике Урожая?

Весёлый зычный крик всколыхнул уже не только круг танцоров, но докатился и до тех, кто пировал за столом или просто шатался праздно по площади. Такое веселье пропустить не хотел никто.

С Лугнасада всегда начиналась пора свадеб. Но в былые времена существовал и другой странный обычай: временные браки. В этот вечер можно было выбрать пару без всяких церемоний, просто скрепить договор брака, пожав руки при всех. С этого момента парень и девушка становились «братом и сестрой Ламмаса», а по сути, мужем и женой. Целый год они оставались вместе, и никто не порицал их за такую связь, а через год могли развестись, явившись снова на праздник и, при всём честном народе, разойдясь в разные стороны. А могли так и прожить всю жизнь вместе, как говорится, долго и счастливо.

Так было в прежние времена... Церковь такие варварские обряды не одобряла, конечно, и старалась временные браки

превратить в настоящие, благословить, как положено. Постепенно традиция стала уходить. Но в шутку порой устраивали вот такие состязания, напоминавшие о языческих ритуалах.

Конечно, теперь никто бы не позволил целый год жить влюблённой паре «во грехе».

Но вот на один вечер... лучший юноша в деревне, которого определяли в танце или кулачном бою, мог выбрать себе подругу. Разумеется, совращать счастливую избранницу никто бы ему не позволил, но танцевать с ней весь вечер, обнимать, разгуливать гордо, будто они, в самом деле, жених и невеста, всё это было позволено.

И Шон сразу понял, что это его шанс. Он незаметно коснулся пальцев Шанны, подмигнул ей хитро и шагнул в круг, обронив лишь два слова:

– Ради тебя...

14 Странности Шона Фланагана

Прошлое

Музыка заиграла громче. Под одобрительные крики и подначивания зевак парни потянулись один за другим в самый центр круглой площадки. Поглядывали друг на друга чуть свысока, с вызовом, хорохорились, как драчливые пехоты.

Да, это были лишь танцы, обычные деревенские танцы, но для каждого из этих юных мужчин это был поединок, рыцарский турнир, бой с соперниками за право назваться самым лучшим, за право быть героем. И не столь важно, что всё это в шутку, всё это лишь на один вечер. Здесь сейчас завоевывалось признание и уважение.

Шон твёрдо намеревался победить, несмотря на то, что большинство соперников, на первый взгляд, были старше лет на пять. Они сюда пришли не в игры играть, а выбирать себе настоящих невест. Но это Рыжего не смущало – он уже сейчас хотел заявить о своих намерениях. Шеннон – его мечта, его любовь, и она станет однажды его женой, как бы ни злился мистер Маккеннет.

И пусть придётся подождать ещё пару лет, чтобы им разрешили пожениться по-настоящему, но Шону уже сейчас хотелось доказать Шеннон и всем остальным, что он достоин её.

Рыжий был намерен танцевать до тех пор, пока не упадёт. Либо его назовут лучшим, либо утащат отсюда за ноги. Ради Шеннон он сможет всё.

Да и перед отцом опозориться нельзя. В конце концов, Донал Фланаган долгое время слыл лучшим танцором Каерхина, и его подвести Шон тоже не мог. Ведь талант обязан был передаться от отца к сыну. А если верить сказкам, что Рыжий слушал всё детство, матушка, которую он никогда не видел и не знал, тоже была мастерица по части танцев.

Так что... все шансы на победу были у Фланагана. Конечно, на деревенских праздниках он редко бывал, но танцевать отец его всё-таки научил. Пусть никто не видел, как рыжий мальчишка лихо выплясывал на пустынном берегу, пока учился, зато теперь подросший Шон всем преподнёс сурприз.

Сначала выходили по двое: каждый выдавал свою партию, а собравшиеся зрители выкрикивали имя того, кто на их взгляд был искуснее.

Первым против Фланагана вышел Кей, почти ровесник, а ростом даже чуть ниже, и точно плотнее. Так себе соперник...

Шон пока решил беречь силы, не показывал всё, на что способен. Но вот на этом первом танце отжёг так отжёг! Хитрый ход сработал, так он сразу сманил на свою сторону добрую половину зевак.

Старушка Хейли, игравшая роль судьи, присвистнула

громко от изумления. Народ вокруг загудел одобрительно.

Шон привык, что семейство Фланаганов все жители Каэрхина недолюбливали. Но сейчас, на этом празднике, распри были забыты. Собравшиеся поглазеть на состязание судили действительно честно и справедливо. И пока их хвалебные возгласы летели исключительно в сторону Шона. Это заметно ободрило парнишку.

А потом Рыжий бросил быстрый взгляд на Шанну, и восторг в её горящих глазах придал Рыжему такой силы и решимости, что он сразу же рискнул выйти на второй круг.

Тут ещё горделивый крик отца донёсся сквозь общий гомон. Донал тоже был в первых рядах зрителей и всей душой желал сыну победы.

И закрутилось, завертелось. Музыка всё нарастала, захлёбывалась собственным разнузданным весельем. Страсти накалялись. Танцоры выплясывали всё зазорнее, всё жарче.

Значительная часть уже сдалась и отступила. Среди тех, что остались, Шон точно был самым юным, и точно самым упрямым. Уже ноги гудели от усталости, уже взмокла спина, нестерпимо хотелось пить, аж губы пересохли, грудь огнём горела. Но отступать нельзя...

Их осталось всего трое, а потом и двое...

Толпа вокруг редела от восторга. Сквозь общий гул и звенящую пелену музыки к Рыжему прорывались ликующие крики Шанны. Она гордилась им, она восхищалась...

Даже если сейчас он проиграет эту последнюю схватку,

для неё он уже победитель. Но Шон хотел полную победу, безоговорочную, чтобы никто не усомнился.

Его последнему сопернику Иену, кажется, перевалило за двадцать. Он был рослым, плечистым, мощным, но только в танцах это не добавило ему преимущества. И лёгкий, вертлявый, гибкий и шустрый Шон сизнова обошёл соперника. Оба уже едва держались на ногах, но Шонни не сдавался. Сдался Иен.

В какой-то миг он поднял руки, покачал головой, давая понять, что выходит из состязания. Музыка чуть сбавила обороты. Все замерли, ожидая, чем всё закончится.

Иен, рассмеявшись, хлопнул по плечу Фланагана:

– Всё! Я сейчас просто сдохну. Разве тебя перетанцуешь, рыжий дьяволёнок? Сдаюсь. Дай руку пожму!

И Иен обнял его... так... совсем по-братски. Закричали все разом, поздравления посыпались со всех сторон. Никогда ещё Шону не доставалось столько восхищения. Он привык считать чужих людей врагами по умолчанию. А оказалось, что они могут быть добрыми, и любить его, и признавать себе равным, и даже...

– Чествуем победителя! Да здравствует Шон Фланаган, лучший танцор Каерхина! – зычно провозгласила миссис Хейли. – А теперь наш герой выберет самую прекрасную деву Каерхина, что станет его невестой, пока длится праздник. А может... и дольше, если будет на то воля Господа Нашего!

Шон, улыбаясь так счастливо, как никогда в жизни, ло-

вил эти восторги, наслаждался минутой своего торжества, для абсолютного счастья не хватало только одного, но самого важного...

Рыжий без колебаний повернулся в сторону Шанны и, не сводя с неё озорного взгляда, крикнул на всю площадь:

– Вот моя невеста! Шеннон Маккеннет. Я выбираю её. Она самая прекрасная дева Каерхина, и самая прекрасная дева во всей Ирландии!

Шон решительно двинулся к своей избраннице, протянул руку, и она вложила в неё свою маленькую теплую ладонь. Со всех сторон доносились ликующие возгласы. От такого непривычного внимания Шанна покраснела и смущенно опустила ресницы, но Рыжий вывел её в центр танцевального круга. И здесь она осмелилась наконец посмотреть ему в глаза и улыбнулась так нежно, восхищённо и гордо, словно Фланаган не состязание по танцам выиграл, а, самое малое, спас её от кровожадного и страшного дракона.

Миссис Хейли водрузила ему на голову венок из трав, цветов и колосьев пшеницы, степенно и торжественно, словно это был королевский венец. Теперь они с Шанной ещё больше походили друг на друга. А потом их осыпали несколькими пригоршнями зерна, как настоящих жениха и невесту, под одобрителный гул всех собравшихся на праздник. Музыка заиграла снова громче и веселее.

– Целуй свою красавицу, Фланаган, – весело скомандовала старушка Хейли, – да заводи новый круг! Другие тоже хо-

тят танцевать...

Шон чувствовал, что и сам зарделся, даже уши загорелись, а его милая девочка и вовсе готова была провалиться сквозь землю. Столько глаз следили сейчас за ними...

Разумеется, он не дерзнул бы целовать её на виду у всего Каерхина. Смутившись, лишь коротко коснулся губами горящей щеки Шеннон. Но большего никто и не ждал, толпа умилённо ахнула. Обряд был исполнен.

Лишь мистер Маккеннет при этом едва заметно дёрнулся вперёд, сверля Рыжего гневным взглядом. Но кое-кто из соседей осадил его, ухватив за плечи. Шон не слышал, что ему говорили, но, судя по жестам и напору, отца Шанны убеждали, что вмешиваться сейчас негоже. Праздник есть праздник.

Брайен ещё раз яростно сверкнул глазами в сторону дерзкого рыжего парнишки, но быстро утих и опять вернулся на своё место за столом.

А Шон через мгновение уже забыл о нём, ведь в его объятиях сейчас была *она* – самая прекрасная, нежная, красивая, самая дорогая и близкая, единственная, любимая. Девушка, о которой он мечтал, наверное, уже лет пять, а то и больше. Он знал, что свяжет свою судьбу с Шеннон уже в ту пору, когда другие мальчишки в сторону девчонок смотрели лишь с насмешливым презрением, и думать не думали о какой-то там любви.

Но Шону даже в детстве казалось, что она удивительная,

совсем не такая, как другие дети – лёгкая, светлая, невесомая, как пушинка или солнечный зайчик.

Он никогда не ходил в церковь, но знал откуда-то, что на небесах живут ангелы – должно быть, слышал от кого-то из деревенских. И Шону долгое время казалось, что она – заблудившийся ангел. Перепутала райский сад с зарослями одичавших роз во дворе Маккеннетов.

Он боялся даже смотреть в её сторону, куда уж там заговорить...

Но однажды это случилось.

Он нашёл очень красивый цветок на пустоши. Рыжий таких никогда прежде не видел.

И сразу вспомнил про дочку Маккеннетов. Нежный и душистый. Редкий. Как сама Шанна.

Он сорвал цветок и побежал к их дому – хотел подбросить тайком на скамью или на крыльцо, но Шеннон его заметила. И заговорила...

Шон ждал, что эта девочка, похожая на сказочную принцессу, станет насмеяться над ним – рыжим оборвышем в замызганных штанах. Над ним ведь всегда норовили посмеяться даже такие же чумазые босяки. А тут...

Но она не стала смеяться, а спросила, как его зовут, где он живёт, и как оказался у их дома. И она приняла его подарок, и её глаза, светлые, как ручей Банберн, горели от восторга, когда она крутила в тонких пальчиках хрупкий стебелёк цветка.

С тех пор Рыжий повадился приходить к Шанне при любом удобном случае. Пока не попался на глаза Брайену. Хозяин дома в гневе был страшен...

Но Рыжий приходил всё равно. Ради встреч с Шеннон он готов был к самому дьяволу на рога забраться... Подумаешь, мистер Маккеннет!

Наверное, если бы девочка тогда сказала ему сама, что не хочет его больше видеть, Фланаган мог бы отступить. И то, ещё поборолся бы.

Но Шеннон тоже ждала этих встреч, и радовалась так искренне, и всегда была нежна и ласкова. И Шон летел на свет её глаз и блеск улыбки, как ночной мотылёк на свет маяка.

Но даже сейчас, когда они уже подросли – конечно, ещё не взрослые, но всё-таки не малые дети – даже сейчас они вынуждены были встречаться только тайком, сбегать из дома, прятаться в зарослях роз, не попадаться никому на глаза.

Но сегодня всё было иначе...

Пусть на один чудесный вечер, но Шон получил право быть рядом со своей «прекрасной розой», не таясь и не скрывая своей любви.

И он повёл её в круг, гордый тем, что танцует с такой красавицей. А ещё больше гордый тем, как она смотрит на него. Ещё бы! Шон ведь всей деревне сегодня доказал, что он чего-то стоит.

И вот сейчас он мог касаться её нежных маленьких ладоней, обнимать за тоненькую талию, чувствовать, как она ды-

шит взволнованно, как маленькой птичкой бьётся о клетку рёбер её сердечко. Мог смотреть в глаза, кружась в бесшабашном удалом танце, лететь руку об руку с ней, пока вечернее небо и площадь под ногами не поменяются местами. Ловить её смех, улыбку, сияние глаз, аромат цветов в волосах.

А иногда... мимолётно и невесомо касаться губами её щеки, не сводя глаз с манящих розовых губ.

– Хочу тебя поцеловать... – шепнул он ей на ушко, на миг дотронувшись до виска.

Сияющие глаза распахнулись одновременно испуганно и восторженно.

– Нет, – взгляд Шанны невольно метнулся в сторону стола, где пировали её родители. – Ты что! Нельзя...

– Не здесь, – Шон снова дотронулся губами до её ушка и лукаво усмехнулся. – Давай сбежим...

– Что? Куда? – она испугалась ещё больше, но глаза уже светились предвкушением.

Шон огляделся быстро, не сбавляя темпа весёлого танца.

– Вот там... за углом, под навесом... – показал Рыжий одними глазами. – Я буду ждать тебя там. Уйду первым. А ты подожди несколько минут и незаметно ступай туда... Я буду ждать! – повторил он, целуя в щеку и уводя свою «невесту» прочь из шумного круга танцующих.

15 Странности Шона Фланагана

Прошлое

Хрупкая тень мелькнула в полосе света и застыла растерянно.

Там, где шумел праздник, сияли огни – свечи, фонари, костры, но площадь у причала уже обступали со всех сторон густые сумерки. С пустоши тянулся туман, пахло сыростью и скошенной травой.

Рыжий шагнул к ней, но прежде окликнул негромко, чтобы не напугать случайно. Шеннон наконец заметила его в темноте, метнулась к нему юркой ласточкой. И тотчас оказалась в жарких объятиях нетерпеливого друга.

Весь вечер же любовался, весь вечер рядом, да только лишний раз не приласкаешь, когда столько глаз вокруг. Особенно под бдительным взором мистера Маккеннета...

А Шону сегодня хотелось обнимать свою красавицу ещё чаще и сильнее, чем всегда. Ведь сегодня такой особенный день. Они как будто совсем взрослые: танцуют и веселятся на празднике вместе со всеми, он выиграл состязание, их, пусть и в шутку, обручили.

Может, в глазах своих соседей они ещё слишком юны, но Шон себя чувствовал взрослым, и был уверен, что тот огонь, который он носил в своём сердце, не каждому зрелому мужчине знаком.

Ведь женились парни чаще всего не от большой любви... Просто время приходило. Одному быть зазорно – надо брать жену, чтобы хозяйка была в доме, дети. Хорошо, если сходились люди, достойные друг друга.

А сколько несчастных в одном только Каерхине проживало всю свою жизнь с опостылевшими. Когда дома только склоки, дети голодные, грязные, жена брюзжит, муж пьёт, а то и руку поднимает.

Шон Фланаган понимал уже сейчас, что ему невероятно повезло – он нашёл не просто хорошую девушку, он нашёл ту, которую любит всем сердцем, и которая отвечает ему взаимностью. А ведь это, пожалуй, самое важное в жизни.

Может быть, всё-таки правду говорят, что удача любит рыжих...

И вот настал самый счастливый момент этого вечера – он наконец получил возможность коснуться нежных медовых губ своей милой Шанны. Но сладостный поцелуй не продлился долго.

Звуки праздника и разговоры людей совсем рядом держали в напряжении даже Шона, что уж говорить про его милую «розочку». Шон чувствовал, как она вздрагивает от каждого шороха, и это ему совсем не нравилось.

– Шон, не надо... – наконец шепнула она, чуть отстранившись, но рук, нежно обнимавших за шею, не убрала. – Вдруг увидит кто-нибудь...

Он только вздохнул в ответ, понимая, что она права. Но

Шон уже придумал кое-что...

Кажется, сегодня Фланган-младший решил проверить, есть ли у его дерзости и безрассудства предел.

– Пойдём! – Шон сжал её маленькую ручку и потянул в сторону, в темноту.

– Ой... – Шанна запнулась, но он поддержал, и девушка покорно двинулась за ним, лишь спросила с интересом, – а куда мы идём?

– Туда, где нас никто не увидит точно... – загадочно улыбнулся Шон, хоть она этого сейчас не видела.

Раз уж они сбежали с праздника, то не столь важно, близко или далеко сбежали – влетит обоим всё равно. Даже отец вряд ли похвалит за эту выходку Рыжего, а Шанну наверняка запрут на месяц дома. Но зато этим вечером они смогут насладиться в полной мере.

В лесу было ещё темнее, но Шон шёл уверенно, без всякой опаски, и вёл за собой Шанну, едва ли задумываясь о том, что обычные люди в такой крошечной тьме дорогу видеть не могут.

Все его мысли сейчас были заняты исключительно любимой и предстоящими поцелуями.

Для рыжего Фланагана любой лес – дневной, ночной, летний, зимний – всегда был родным и понятным, как собственный дом. Он с самого детства обошёл все его тропы. И он совсем не испытывал перед ним страха.

Но сейчас Шон не стал забираться далеко, остановился

у старого ясеня, что рос почти у опушки. Хотя они и были сейчас в двух шагах от крайних домов деревни, здесь можно было не опасаться случайных свидетелей.

Шон аккуратно прислонил Шеннон спиной к стволу дерева и сам прижался к ней, нежно поглаживая по плечам и талии. Шон ужасно боялся сделать что-нибудь непозволительное, что она сочтёт пошлым или неприятным. Прикосновения кружили голову, разжигали внутри странный огонь, рождали в юном теле новые, незнакомые ощущения, но Рыжий ведь привёл сюда подругу вовсе не для того, чтобы облапать бессовестно.

Ему и поцелуев этих невинных было достаточно – Шон от них потом ещё несколько дней ходил как хмельной. Вот и сейчас млел и мурчал как кот, целуя желанные губы, лаская кончиками пальцев нежную щечку, перебирая гладкий шёлк её кос. Хотя сдерживаться было, конечно, сложно. Время от времени он прижимался к ней слишком тесно...

Шон понял, что перешёл грань дозволенного, лишь когда почувствовал, как она дрожит. Отстранился удивлённо, пытаясь разглядеть её лицо в темноте.

Бледное. И глаза перепуганные.

Вот же дурак! Кажется, она подумала о нём как раз то, чего Рыжий и боялся.

– Шон... давай вернёмся обратно... пожалуйста... – тихонько взмолилась Шеннон.

– Шанна... – выдохнул он её имя обескураженно, – ты че-

го, милая моя? Ты чего дрожишь? Ты... Шанна, неужели... ты решила, что я тебя обидеть посмею? Милая моя... Да никогда я тебе зла не сделаю! Никогда! Ни делами, ни словами, ни в мыслях даже не обижу...

– Нет, нет, что ты! – отчаянно замотала она головой. – Я вовсе не тебя испугалась. Шон... я тебя люблю, я тебе верю. Всегда буду верить! Просто... мне очень страшно...

– Не понимаю... – совсем потерялся он.

– Тут так жутко. Так темно. Дышать от страха не могу. Мне чудится, что на нас кто-то смотрит, – шепнула она, наклонившись к самому уху и коснувшись тёплым дыханием, отчего сразу захотелось забыть все эти глупости и снова её поцеловать.

– Кому тут на нас смотреть, все на празднике... – хмыкнул с напускной бравадой Шон.

На самом деле, ему стало так стыдно – ведь он хотел подарить ей красивую прогулку по лесу, вдвоём, а вышло, что даже не заметил тот момент, когда любимая девочка напугалась до ужаса. Хорош жених!

– Не думаю, что это кто-то из деревни... – Шанна вздрогнула и прижалась к нему, словно просила её спрятать.

От этого уже и самому Шону стало мерещиться, будто кто-то стоит у него за спиной. Может, это совесть пришла с него спросить, по какому праву он напугал милую Шеннон.

– Прости! – он погладил её по волосам. – Я такой дурак. Впредь гулять в лесу будем только при свете дня... Обещаю.

Идём обратно!

Шон развернулся, не выпуская её руки, собираясь вернуться на тропу, ведущую назад к Каерхину.

И в этот миг Шеннон закричала пронзительно и тонко.

Шон отчётливо разглядел невысокий силуэт в темноте леса – застывший на месте, бледный, словно облитый лунным светом, хотя густые кроны деревьев создавали надёжный полог и хранили у своих корней бархатный мрак. А ещё он видел, как светились во тьме глаза – два хищных жёлтых огонька, не мигая, уставились прямо на них.

По спине пробежал холодок, губы задрожали.

Шанна уже не кричала. Но от мёртвой тишины было ещё страшнее, чем от её звенящего крика.

Рыжий попятился медленно, ничего не говоря и не выпуская из своей руки руку Шанны, сжал ещё крепче её ладонь. Незванный гость молча наблюдал за ними.

Вернее, гостя. Силуэт явно женский, или даже детский. Но ни один ребёнок из Каерхина не пошёл бы в лес ночью.

Шон лишь на секунду отвлёкся, кинул взгляд на перепуганную Шанну...

И в тот же миг бледная тень метнулась в их сторону, легко и стремительно, как летучая мышь.

Не раздумывая, он бросился прочь от неё, уже не по тропе, а как придётся, не разбирая дороги, рискуя переломать ноги в темноте. Он нёсся по ночному лесу, будто спугнутый

собаками олень, и тащил за собой едва поспевавшую Шеннон.

Погоня внезапно прекратилась. Рыжий почувствовал это спиной – сам не понял как, но ощутил и, обернувшись, убедился, что прав.

Никто уже не гнался за ними, но тотчас чуть впереди всколыхнулся подлесок, а потом слева, справа. Шон испуганно вертелся, не зная, с какой стороны ждать нападения. Шорохи долетали сразу отовсюду, будто какой-то зверь прокладывал себе путь в зарослях папоротника и разнотравья. Вот только зверь не мог быть сразу везде.

– Что же ты не приш-ш-шёл, милый Ш-ш-шонни? – шепотки ползли по лесу, дрожью отдаваясь в теле. – Я тебя ждала...

Серебристый многоголосый смех порхал хрустальным эхом в кронах, но только от этого хохота стало совсем не смешно. Шанна прижалась к его спине. Она дрожала и молилась шёпотом.

– Привёл мне новую игруш-ш-шку? – льдистый хохоток рассыпался колючими осколками в тишине леса.

Она появилась буквально в трёх шагах, так что Шон различил и хищную ухмылку на бледном лице, и зачаровывающий желтоватый блеск в голодных глазах. Вокруг было темно, но он каким-то непостижимым образом ясно видел её черты.

– Бежим! – Рыжий дёрнул за руку свою девочку.

Они снова бросились к деревне. До дороги оставалось не больше дюжины шагов, ещё мгновение – и спасены. Где-то внутри Шона сидела твёрдая уверенность, что стоит добраться до границы их поселения, и тварь из леса оставит их в покое.

– Стой, Шон Фланаган! – зловещее шипение Майи ударило в спину, словно нож.

Рыжий споткнулся и замер. Ноги отказали, будто он увяз в густой, липкой грязи.

Шеннон, обогнавшая его с разлёту, неловко притормозила, обернувшись, не понимая, отчего он послушался это жуткое создание. А Шон дёргался беспомощно, чувствуя себя рыбой в сетях. От ужаса и беспомощности подкашивались ноги.

– Шон! – всхлипнула Шеннон, кажется, начиная понимать что-то.

– Я не могу, ноги не слушают... – простонал Шон и выпустил её руку. – Беги! Беги! Скорее!

Затравленный взгляд Шанны метнулся от его лица за спину, но Фланагану и оборачиваться не нужно было – чувствовал приближение чего-то враждебного, чужого.

– Я тебя не брошу! – она зажмурилась и, шагнув ближе, вцепилась в руку.

Шон попытался оттолкнуть, снова крикнул:

– Уходи сейчас же! Убегай! Она ничего мне не сделает. Сама спасайся!

Шеннон отступила лишь на шаг, но всё равно осталась. Она отчаянно затрясла головой, венки с неё слетели, косы раскачивались как маятники.

– Нет, нет, я не уйду без тебя!

– Поздно... бежать... – ледяной шепоток прозвучал над ухом, царапнул по сердцу.

Майя застыла в двух шагах от них, медленным взглядом окинула Рыжего, потом побелевшую как мел Шанну. Глаза её мерцали, лицо оставалось мертвенно-холодным, неподвижным.

В остальном... это была всё та же милая девочка в лёгком платье с длинными светлыми локонами. И вот как раз от этого было жутко до дрожи. Она улыбнулась голодным оскалом и подняла руку с длинными когтями – будто на каждом пальце у неё насажен стальной кинжал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.